

Александр Михайловский
Александр Харников

РАЗМИНКА ПЕРЕД БОЕМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Михайловский

Разминка перед боем

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

Разминка перед боем / А. Б. Михайловский — «АСТ»,
2016 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-097493-1

Несколько жителей XXI века сумели с помощью машины времени попасть в XIX век. Поначалу они смотрели на произошедшее с ними как на некий аттракцион, немного рискованный и в то же время весьма забавный. Но на деле все оказалось гораздо серьезней. Миры, помимо их воли, начали взаимопроникать друг в друга. Кто-то из людей будущего стал в прошлом заправским помещиком, кто-то влюбился в царскую дочь, а кто-то оказался личным советником императора Николая I. Противники России, обеспокоенные резким изменением ее внутренней и внешней политики, решили принять соответствующие меры. Власти Британии, старинного врага Государства Российского, пытаются понять – что за странные люди появились в окружении царя. Начинается охота за гостями из будущего. И итог этого противостояния не ясен никому, даже пришельцам из будущего – ведь их стараниями прошлое уже не то, что было в их истории.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097493-1

© Михайловский А. Б., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Краковяк вприсядку	7
Вечер вопросов и ответов	7
Дворец – дело тонкое	10
Клубок змей	17
Коммунальная квартира	20
Диспозиция на будущее	25
Подготовка к штурму	29
Ночь раздумий	34
Глава 2. Во многом знании много печали	38
Ум хорошо, а два лучше	38
Ужин у императора	40
Единая и неделимая	46
По морям, по волнам...	48
Он был титулярный советник...	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Александр Михайловский,
Александр Харников
Разминка перед боем**

© Александр Михайловский, Александр Харников, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Авторы благодарят за помощь и поддержку *Юрия Жукова* и *Макса Д* (он же *Road Warrior*)

Пролог

Подполковник ФСБ Олег Шукин отложил в сторону фотографии, только что полученные от сотрудников *службы Николая Николаевича* – так на жаргоне *конторы* называли службу наружного наблюдения.

На этих фотографиях одна из фигуранток, находящаяся под колпаком и проходящая по этому делу под псевдонимом Модистка, стояла на Невском под ручку с невысоким мужчиной. И хотя Олег готов был поклясться, что ранее он не встречался с кавалером Модистки, лицо показалось подполковнику очень знакомым.

«Так, – подумал Шукин, – кого орлы Шумилина притащили на этот раз из прошлого?»

Олег встал из кресла и взял с книжной полки томик с портретами деятелей науки и искусства, живших и творивших в первой половине XIX века.

– Ага, вот он, – сказал сам себе подполковник. – А что, похож, очень похож. Ну, добро пожаловать в наш мир, Карл Павлович. Интересно, какие портреты и картины вы нарисуете, вернувшись в свое время? И как вам покажется наш век, прекрасный и безобразный одновременно?

На портрете в книге был изображен мужчина с небольшой рыжей бородкой и с пышной, такого же цвета шевелюрой. Похоже, что человек смертельно устал и мечтал лишь об одном – чтобы его все оставили в покое и не мешали думать о бренности бытия. Под этим портретом, точнее автопортретом, было написано: «Карл Брюллов».

Шукин потер ладонями седеющие виски. Потом он поставил книгу на место и задумался. Расскажи ему кто пару месяцев назад, что наружка будет пасти в Питере людей, которые пришли в наш мир из прошлого, он бы рассмеялся и посоветовал тому, кто сказал подобную ерунду, приберечь свои фантазии для очередного автора столь модных сейчас альтернативок.

Но факт остается фактом – в Санкт-Петербург XXI века зачастили гости XIX века. И одним из виновников подобного нашествия предков стал старый знакомый Шукина – Александр Павлович Шумилин.

Глава 1. Краковяк вприсядку

Вечер вопросов и ответов

Встреча путешественников во времени, вернувшихся из будущего, прошла бурно. Император с трудом сдержался, чтобы не броситься навстречу любимой дочери. А цесаревич так просто впал в ступор и, разинув рот, наблюдал за появлением из ниоткуда портала и выходившими оттуда людьми, в числе которых узнал свою младшую сестру Адени. Александр почувствовал даже зависть к ней – ведь она уже побывала *там*, а он, который с рождения был первым во всем, еще нет.

Николай тепло приветствовал прибывших, обнял дочь, а потом участливо поинтересовался у Шумилина, здоров ли тот и не стоило ли ему еще немного подлечиться. Но Александр Павлович заверил, что готов хоть сию минуту приступить к своим обязанностям.

– Ваше величество, – сказал он императору, – я просто горю желанием побеседовать с мистером Паркером, который сделал меня временно нетрудоспособным. Думаю, он сейчас находится в состоянии, позволяющем задать ему несколько нескромных вопросов.

– Гм, Александр Павлович, – произнес Николай, – я, право слово, не совсем уверен, что вам надо спешить с работой. Отдохните хотя бы денек в Аничковом дворце. Да и Алексей Игоревич, которому я очень благодарен за лечение моей любимой Адени, побудет вместе с вами.

– А он и так побудет со мной, – улыбнулся Шумилин, – без его помощи мне не обойтись при допросе этого британца.

– Александр Павлович, – озабоченно спросил Николай, – надеюсь, что вы не будете полагать его хирургическими ножами и прочими орудиями пыток.

– Нет, что вы, – вступил в разговор доктор Кузнецов, – все будет гуманно. Просто мистер Паркер внезапно испытает страстное желание облегчить душу. И расскажет нам даже то, что сам давно уже забыл. Впрочем, ваше величество, то, о чем мы сейчас говорим, не для ушей вашей очаровательной дочери. – Алексей кивком указал на Адени, оживленно о чем-то беседующую с цесаревичем.

– Да, пожалуй, вы правы, – сказал Николай, озадаченно потерев подбородок. – Надеюсь, вы покажете мне потом на вашем приборе – как вы его называете, ноутбуке, – что рассказал вам этот британец. Пока же прошу всех пройти к каретам, которые доставят вас в Аничков дворец. А мы с цесаревичем и Адени отправимся в Зимний.

– Папа, – неожиданно спросила Александра, – а нельзя ли взять с собой во дворец Ольгу Валерьевну? Во время моего путешествия в будущее она ухаживала за мной, помогала. Папа, я хочу, чтобы Ольга Валерьевна и дальше была рядом со мной... – и Адени капризно надула губки.

Николай укоризненно посмотрел на дочь.

– Адени, а ты спросила у мадам Ольги, хочет ли она этого? Ведь она человек свободный, и ей самой решать – где быть и с кем.

– Ваше величество, – вступила в разговор Ольга, – я буду рада быть рядом с вашей очаровательной дочерью. Она замечательная девушка, и общение с ней доставляет мне удовольствие. Тем более что мое присутствие будет необходимо для того, чтобы лечение Александры Николаевны шло успешно.

– Если это так, то я не возражаю и буду рад видеть вас, Ольга Валерьевна, гостьей в моем дворце! – воскликнул император. – Прошу вас пройти в мою карету.

Немного переведя дух в Аничковом дворце, Шумилин и Кузнецов собрались и в сопровождении Дениса и ротмистра Соколова на карете отправились в Шлиссельбург. У них было письмо к коменданту «Русской Бастилии» с разрешением допросить британского шпиона.

В Шлиссельбурге они оказались лишь вечером. Солнце уже подошло к горизонту, когда лодка причалила к пирсу у ворот крепости. Комендант, внимательно прочитав разрешение, подписанное лично императором, подозрительно покосился на пеструю компанию, но ничего не сказал и вместе с ними отправился в Секретный дом, где содержался мистер Паркер.

Заскрежетал ключ в замке, со скрипом открылась дверь. В камере на жестком деревянном топчане в сером арестантском халате сидел арестант, успевший уже зарастить рыжей щетиной. Он с ненавистью посмотрел на пришедших и, не говоря ни слова, отвернулся от них, уставившись в стенку.

– Хау а ю, мистер Паркер, – поздоровался с ним Шумилин. – Как вам наша тюрьма? С Ньюгейтской каталажкой ее, конечно, не сравнить – слишком она чистая и сухая. Да и крыс с насекомыми здесь нет.

– Кто вы такой, и что вы от меня хотите? – произнес, наконец, британец. – И на каком основании меня здесь держат?

– А вы не знаете? – вопросом на вопрос ответил Шумилин. – За подобную попытку нападения на человека с целью его похищения в вашей старой доброй Англии можно угодить как минимум на каторгу. А то и напрямиком в петлю.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – попытался включить дурку англичанин, – я ни в чем не виноват и не понимаю, в чем меня обвиняют.

– Мистер Паркер, – миролюбиво сказал Шумилин, – не будем терять время. У нас его мало. Я предлагаю добровольно ответить на наши вопросы, после чего взять лист и перо и написать покаянное письмо русскому императору с просьбой прощения и помилования. Лишь в этом случае у вас появится шанс когда-нибудь снова увидеть берега родной Британии. Вы согласны с таким вариантом?

Мистер Паркер покачал головой и снова тупо повторил:

– Я ни в чем не виноват...

– Ну что ж, – Шумилин вздохнул, – видит Бог, я не хотел этого. Дмитрий, Денис, снимите с этого джентльмена халат и закатайте правый рукав его рубашки.

Легко преодолев вялое сопротивление британца, ротмистр и Денис приготовили английского шпиона к инъекции. Доктор Кузнецов, все это время индифферентно стоявший у входа в камеру, расстегнул свой саквояж и достал из него шприц-тюбик с пентоталом натрия, который в просторечии называют сывороткой правды.

Мистер Паркер с ужасом наблюдал за тем, как Алексей ваткой со спиртом протер его предплечье, а потом ловко, с первого раза нашел вену и медленно ввел туда пентотал. Англичанин, ожидавший страшную боль, так ее и не почувствовал. Вместо боли он ощутил сонливость, люди, стоящие вокруг, стали вдруг маленькими, а то, что он так не хотел говорить этим людям, само по себе всплыло в его мозгу. Ему страстно захотелось рассказать всё...

– Назовите свое имя, – услышал он, – кто вы и какое задание получили от мистера Стефенсона?

Вспыхнул яркий свет, и Паркер увидел, как один из русских поднял к лицу какой-то странный предмет, направив ему в лицо. Паркеру вдруг стало очень спокойно, захотелось поговорить с этими неожиданно ставшими ему симпатичными русскими. И он начал рассказывать то, что никогда бы не рассказал даже под самыми страшными пытками...

Очнулся мистер Паркер от резкого запаха. Доктор убрал клочок ваты, который держал у его носа. Британец увидел, что сидит на деревянном стуле у окна, а на столе стоит какой-то плоский чемоданчик из неизвестного ему материала. На внутренней крышке Паркер увидел,

словно в зеркале, самого себя. И это изображение его голосом рассказывает такое, от чего у британца встали дыбом волосы.

– Ну вот, видите, – сказал ему русский, – все было совсем не больно. И зачем вы только упирались, капризничали? Все, что нам было надо, мы уже узнали. Хочу вас поблагодарить, мистер Паркер. Вы рассказали много для нас интересного. Жаль только, что после всего этого вам не стоит появляться в Британии. Думаю, что Нью-гейтом тут дело не обойдется. И судить вас не будут – придушат тайком, да и сбросят ночью в Темзу. Одним трупом больше, одним меньше – велика ли потеря...

– Что это было? – дрожащим голосом спросил Паркер. – Скажите, ради всего святого, кто вы и откуда? Вы не люди – вы посланцы Сатаны!

– Нет, мистер Паркер, – ответил Александр Павлович, – мы не имеем ничего общего с упомянутым вами джентльменом. Скорее, это вы, британцы, на короткой ноге с нечистым. А мы просто люди, которым не нравится, когда в их доме хозяйничают чужие.

Впрочем, у нас еще будет время об этом поговорить. И не пытайтесь наложить на себя руки. Наш добрый доктор, с которым вы уже имели честь познакомиться, может и мертвых поднимать со смертного одра. Только это будет для вас весьма неприятно. Так что ложитесь спать и думайте о чем-нибудь хорошем. Скажем, о том, что вы, в конце концов, остались живы, и что откровенные ответы на заданные вам вопросы могут продлить вашу жизнь и даже сделать ее не такой неприятной. Гуд найт, мистер Паркер.

Дверь захлопнулась, замок камеры проскрежетал в последний раз, и британец остался в полутьме узилища, погруженный в самые мрачные мысли.

А Шумилин со товарищи переночевали в домике коменданта крепости. А под утро, переправившись через протоку, сели в городе Шлиссельбурге в поджидавшую их карету и отправились в Петербург. Им было что рассказать и показать царю и графу Бенкендорфу.

Дворец – дело тонкое

Всю дорогу до Зимнего Адини рассказывала отцу о том, что она видела и что делала в Петербурге ХХІ века. Николай понимающе кивал, поддакивал, расспрашивал о некоторых, ему пока еще не понятных вещах. А цесаревич сидел и слушал с таким завистливо-удивленным выражением лица, что Ольге стало ясно – он не успокоится до тех пор, пока сам не побывает в будущем.

Подъезжая к дворцу, Николай еще раз напомнил Адини и Александру о том, что никто не должен знать о существовании портала и о контакте с людьми из ХХІ века. Немного подумав, император сказал Ольге:

– Мадам, я понимаю, что вы чувствуете себя в нашем мире несколько не в своей тарелке. Но я постараюсь, чтобы вы испытывали в моем скромном жилище, – тут Ольга усмехнулась, – минимум неудобств. Я прикажу обер-гофмейстерине, чтобы она подыскала для вас помещение.

– Папа, – встряла в разговор взрослых Адини, – пусть Ольга Валерьевна будет жить поближе к моей комнате. На первом этаже сейчас пустует комната сестры Маши, которая вышла замуж и переехала с супругом на запасную половину дворца.

– Гм, – задумался Николай, – а почему бы и нет? Ольга Валерьевна, вас устроит подобный вариант?

Ольга, которой меньше всего хотелось оказаться на третьем этаже в знаменитом Фрейлинском коридоре с его комнатками-пеналами и с его постоянными интригами, согласилась на предложение Адини. К тому же во Фрейлинский коридор постоянно шлялись разные посетители: просители, знакомые девушек. И потому было бы нежелательно, чтобы человек из будущего находился в подобном «общежитии».

Во дворец они вошли с набережной Невы. Император лично проводил Ольгу в ее апартаменты. На новую обитательницу дворца с любопытством смотрели многочисленные слуги и лакеи обоего пола. На лице одного из них Ольга заметила странные красно-розовые пятна.

«Ага, – подумала она, – вот ты и попался, голубчик!»

Ольга вспомнила, что Шумилин рассказывал ей о том, что в кабинете Николая Сергеев-старший собирался установить химловушку. Что это за птица такая, она знала. Лет десять назад, когда Ольга работала бухгалтером в одной конторе, какой-то мазурик повадился подворовывать из ящиков столов и шкафчиков. Поначалу на это не обращали внимания – ведь вор крал косметику и сладости. Но однажды, когда из оставленной в кабинете дамской сумочки пропал дорогой мобильник, терпение у руководства лопнуло, и оно пригласило в контору сотрудника милиции. Сыщик не стал заморачиваться, а просто установил в одном из кабинетов химловушку. На следующий день молодой парень – курьер – пришел на работу с лицом, покрытым разводами малинового цвета. Жулика с позором уволили.

Примерно такое же лицо было и у этого лакея. Ольга запомнила его, намереваясь позднее поговорить о нем с императором.

В комнатах дочерей императора таинственно исчезнувшую Адини с нетерпением ждали старшие сестры – Ольга и Мария. Они хотели с ходу наброситься на Адини, но увидев рядом с ней незнакомую женщину, вежливо поздоровались с той и, перекинувшись с сестрой несколькими ничего не значащими фразами, попрощались, обещав зайти позже.

– А ведь я уже здесь бывала, – оглядевшись по сторонам, сказала Ольга. – Только в наше время здесь находится музей Эрмитаж, в котором выставлены картины, скульптуры – словом, все, что представляет художественную ценность.

– Жаль, что я еще не побывала в вашем Эрмитаже, – задумчиво сказала Адини. – В следующий раз, Ольга Валерьевна, вы сходите туда со мной?

– Обязательно. Даст бог, у нас будет больше времени, и мы с тобой погуляем по городу пешком, – ответила Ольга. – Только, я смотрю, твой брат тоже рвется в будущее. Может, возьмем его с собой?

– Это как папа решит, – грустно сказала Адини, – он у нас строгий, но хороший. Я его очень люблю.

Ольга вздохнула. Своего отца она не помнила. Он был военным моряком и погиб во время шторма – его тральщик выбросило на скалы, и из команды спаслась едва ли половина.

Ну, а чем занимался в это время император? У него были на приеме граф Бенкендорф и Виктор Сергеев. Первый доложил царю о результатах работы его сотрудников, которые проверяли данные, полученные в ходе допроса пойманных на Фонтанке поляков.

Оказалось, что боевики – так с легкой руки Виктора стали называть задержанных – отловлены еще не все. Их в Петербурге было несколько десятков. Группами, по пять-семь человек, они жили в загородных имениях своих знатных соплеменников. В нужное время они, по указанию британского агента, использовались для проведения силовых акций.

Бенкендорфу удалось узнать, сколько боевиков в данный момент находятся в окрестностях столицы Российской империи и где именно.

Но само их изъятие было решено провести только по прибытии из Шлиссельбурга Шумилина и его спутников. Они по рации уже доложили Виктору Сергееву о том, что подъезжают к «Русской Бастилии». Следовательно, результаты беседы с мистером Паркером будут известны лишь завтра.

И еще. Через полчаса после начала их разговора у Виктора запищала радиостанция, и Ольга сообщила ему, что «рыбка клюнула, и осталось только ее подсесть». Среди дворцовых лакеев она заметила одного, который, похоже, пытался сунуть нос в царские дела.

Услышав об этом, Сергеев снял со стенки часы с кукушкой, в которые был вмонтирован видеорегистратор, и, достав из саквояжа ноутбук и переходник, скачал с него все, что там было записано. Потом он быстро просмотрел запись. На экране ноутбука появилась фигура, одетая в ливрею, которая осторожно перемещалась по кабинету императора. Вот она взяла со стола бумаги императора и стала их внимательно изучать.

Потом не в меру любопытный лакей сунул нос в коробку с химловушкой, схватился руками за лицо и быстро выбежал из кабинета.

– Граф, прошу вас найти этого мерзавца! – воскликнул рассерженный Николай, увидев на экране похождения лакея-шпиона.

– Александр Христофорович, – сказал Сергеев, – у него лицо в малиновых разводах. Эти пятна ничем не отмыть, но они сойдут сами недели через две.

Бенкендорф вышел из кабинета, чтобы сделать соответствующие распоряжения. Николай, немного успокоившись, тихо спросил у своего гостя:

– Виктор Иванович, а нельзя ли установить такие же устройства в других комнатах и покоях дворца? У меня не сто глаз, как у мифического Аргуса, и я не могу все видеть. А в моем доме порой происходят совсем уж недопустимые вещи.

– Можно, ваше величество, – сказал Сергеев, – только не все сразу. Надо поговорить об этом с Антоном Ворониным. Он в таких вещах разбирается лучше меня. Со временем надо будет оборудовать здесь наши системы безопасности, которые уберегут вас и ваше семейство от многих неприятностей.

Тут открылась дверь, и в кабинет вошел граф Бенкендорф, а за ним – камер-лакей, держащий за шиворот своего ливрейного коллегу, лицо которого было покрыто малиновыми разводами.

– Так что, ваше величество, – бодро отрапортовал он, – вот этот злыдень, Алешка Тимохин, который, как сказали их сиятельство, без спросу заглядывал в ваш кабинет.

– Значит, это ты, подлец, – грозно произнес царь, – забрался в мой кабинет и рылся в моих бумагах!

При виде разгневанного царя ноги у нашкодившего лакея подкосились, и он бухнулся на колени.

– Ваше величество, – жалобно заблеял он, – не виноват я, черт меня попутал. Это все тот англичанин виноват, будь он трижды неладен. Батюшка-царь, это все из-за хлебного вина, проклятого. Люблю я выпить, а жалованье у меня небольшое. Англичанин тот, Джоном его зовут, мне сначала давал ром бесплатно, а потом сказал, что больше просто так давать не будет, а только тогда, когда я буду следить за тем, кто приходит к государю, и кто что пишет. Каждый раз, когда я ему рассказывал об этом, он мне бутылку, а то и две рому или, как его... во, вспомнил – виски давал.

– Так, – грозно сказал Николай, – значит, ты, мерзавец, своего государя-императора за штоф спиртного продал? Ну, что мне с тобой делать – на каторгу тебя отправить, или в арестантские роты?

Немного пришедший в себя лакей снова залился слезами. Николай брезгливо поморщился и сделал рукой жест, показывающий, что он больше не желает видеть это ничтожество. Стоявший у двери камерлакей взял своего проштрафившегося коллегу за шкуру и почти волоком вытащил его из кабинета.

Николай, Сергеев и Бенкендорф переглянулись. Одну загадку они разгадали. Даст бог, остальные разгадают завтра с помощью Шумилина и его товарищей.

* * *

Сведения, которые Шумилину удалось узнать от британского агента, были очень важные. Впрочем, для Александра Павловича, который давно уже занимался историей тайной войны Англии против России, многое из сказанного мистером Паркером не было секретом. Но он знал эту тему в целом, подробности же британец выложил ему под воздействием сыворотки правды. А дьявол, как известно, в мелочах.

«Что же мы знаем о кознях, которые строят России британские джентльмены?» – размышлял Шумилин. Первое – это то, что всей подрывной работой в Лондоне заведует отъявленный русофоб, бывший посланник Британии в Константинополе, 35-летний Дэвид Уркварт. В свое время он совершил тайную поездку по территории Северного Кавказа, не контролируемого еще тогда русскими войсками, и приложил немало сил для того, чтобы Кавказская война продолжалась как можно дольше. Любое кровопролитие на Кавказе, по мнению Уркварта, шло только на пользу Британии. Вот что он писал:

«Сопrotивляясь России, кавказские народы оказывают бесценную услугу Англии и Европе. Если русская армия захватит Кавказ, то уже никто и ничто не сможет остановить ее победную поступь дальше на юг, восток или запад и помешать царю стать полноправным хозяином в Азии и Европе».

Вернувшись в Лондон, Уркварт крепко поругался с премьером Англии Пальмерстоном, для которого некоторые высказывания бывшего дипломата оказались слишком уж радикальными. Разошедшийся не на шутку Уркварт публично заявил, что Пальмерстон подкуплен русским золотом. Скандал скандалом, но Дауд-бей – так немирные черкесы прозвали Уркварта – продолжал курировать тайные операции британских спецслужб против России.

«Значит, Уркварт... – подумал Шумилин. – В Лондоне этого орла нам пока не достать. Но в России его агентуру надо как следует проредить. Сложность этой задачи заключается в том, что у англофилов существует сильная моральная и материальная поддержка столичной знати. Все недовольные строгостями правления Николая I готовы сотрудничать с агентами

любой иностранной державы. Эта традиция имеет давнюю историю. Достаточно вспомнить заговор против императора Павла I, который фактически возглавил посол Британии в Петербурге Чарльз Уитворт. Заговорщикам за убийство русского самодержца тогда было выплачено несколько миллионов золотых рублей».

Кстати, в данное время интересы Англии и Австрии совпадали – достаточно вспомнить бомбардировку Бейрута объединенным англо-австрийским флотом. А потому спецслужбы этих стран порой действовали сообща.

«Надо через связи мистера Паркера выйти на агентуру ныне отставленного от должности Карлуши Нессельроде. Думаю, что они помогут нам узнать много нового. И еще – с императором необходимо решить вопрос об отзыве из Лондона посла России Филиппа фон Бруннова». Он всегда держался в тени своего шефа, но вреда для русской дипломатии сделал не меньше его. Воспитанник яркого англофила графа Воронцова, фон Бруннов был замешан в скандале с печально известным «Дипломом рогоносца» – поговаривали, что именно он и написал его, – который стал поводом к дуэли Пушкина.

Фон Бруннов получал самое большое среди российских послов жалованье – 59 тысяч рублей. Для сравнения, российскому министру платили в половину меньше – 20–30 тысяч рублей. Сколько он получал от своих зарубежных покровителей, о сем история умалчивает.

Александр попробовал поговорить на эту тему с ротмистром Соколовым, но тот сказал, что в годы, когда фон Бруннов бывал в Петербурге, он воевал на Кавказе. Хотя и там до него доходили известия о том, что немирным горцам помогают англичане. Среди добытого в качестве трофеев оружия попадались новенькие британские штуцеры. Кроме того, пленные горцы рассказывали, что их командирам помогают разрабатывать планы нападения на казачьи станицы и русские гарнизоны люди европейской внешности, между собой говорящие не по-русски.

Так, размышляя о делах зарубежных, они доехали до Петербурга. Для начала заглянув в Аничков дворец, они привели себя в порядок. Потом Шумилин связались по рации с Ольгой и попросил, чтобы она передала императору просьбу об аудиенции.

Через час Ольга сообщила, что император сам решил отправиться в Аничков дворец, чтобы подальше от чужих глаз и ушей обсудить новости. Похоже, что в Петербурге граф Бенкендорф и Сергеев-старший тоже зря времени не теряли.

Вскоре в коридоре раздались шаги, и в комнату вошел император в сопровождении графа и Виктора.

– Здравствуйте, господа, – с улыбкой приветствовал Николай всю честную компанию, – похоже, что вы не зря съездили в Шлиссельбург?

– Не зря, ваше величество, – ответил Шумилин. – Сей британец оказался весьма разговорчивым. Вот, убедитесь сами.

И Шумилин включил ноутбук. На мониторе появилась запись допроса английского резидента.

Николай и Бенкендорф с интересом познакомились с «исповедью» мистера Паркера. Их удивило то, что британец, словно сомнамбула, сидел на койке и послушно отвечал на вопросы, которые ему задавал Шумилин.

– Вот, граф, видите, как они допрашивают злодеев, – не удержался от комментария император, – и ведь никто не скажет, что его истязают. Удивительно... Впрочем, как и все то, что у вас в будущем.

Информация, которую сообщил Паркер в ходе допроса, заинтересовала Николая. Если ее сопоставить с уже известной ему, то получалась весьма удручающая картина – что-то вроде нового тайного общества. Только в этот раз целью заговора было не свержение самодержавия как таковое, а противодействие самостоятельной политике России, что в конечном итоге должно было привести к Крымской войне.

– Так-так-так, – сказал Николай, когда допрос закончился и Шумилин выключил ноутбук, – надо принимать срочные меры. Иначе эти господа могут устроить нам новое четырнадцатое декабря. Александр Христофорович, что вы думаете по этому поводу?

– Ваше величество! – воскликнул Бенкендорф. – Мы не допустим мятежа. Только отдайте приказ, и мы сотрем в порошок всех, кто злоумышляет против вас.

– Надо составить списки всех причастных к заговору, а также тех, кто работает на иностранные державы, – сказал Шумилин. – Ну, а потом накрыть сразу всех и провести показательный процесс. Пусть все узнают о том, как представители лучших дворянских родов пляшут под дудку заморских правительств.

– Александр Павлович, – попросил Николай, – не могли бы вы с графом Бенкендорфом заняться этим делом? Естественно, вам не стоит показывать себя, чтобы потом не возникло лишних разговоров. Хотя можно будет использовать при взятии под стражу злоумышленников одного из ваших головорезов, – и Николай с улыбкой посмотрел на Дениса.

– Ваше величество, – ответил тот, – тогда пусть со мной в паре поработает и господин ротмистр. Заодно он покажет все то, чему его у нас научили.

– В общем, вы эти вопросы решайте сами, без меня, – сказал император, – для меня же главное то, чтобы вы уничтожили осиные гнезда этих польских каналий. Надо не дать сбежать за границу тем, кто зло умышлял и шпионил против меня. Можете действовать от моего имени. Я даю вам на это полный карт-бланш. Эту британско-австрийскую заразу надо вырвать с корнем.

– Все будет исполнено, ваше величество, – воскликнул Бенкендорф, – разрешите выполнять ваше приказание?

* * *

Шумилин и граф Бенкендорф обсуждали план операции по ликвидации баз британских боевиков в Петербурге. Со шпионской сетью англичан было решено пока не спешить. Для начала надо вскрыть структуру всей организации и, определив ее членов, задержать лишь самых опасных. А кое-кого не трогать, оставив на свободе, но под полным контролем ведомства Александра Христофоровича. Они станут своего рода живцами – к ним на связь будут выходить новые, присланные из Британии агенты, которых с ходу можно взять под контроль. Через оставленных на свободе агентов мы будем потихоньку сливать в Туманный Альбион «дезу», чтобы лордам там не было скучно.

Самому графу Бенкендорфу предложение Шумилина понравилось. В XIX веке такие комбинации практиковались еще редко. Хотя народ в российских спецслужбах уже тогда работал толковый, и на счету нашей разведки было немало блестяще проведенных операций.

Силовую операцию решили провести дня через два. Предварительно необходимо было доразведать все, что касалось местоположения боевиков, их количества, вооружения и системы охраны.

Шумилин предложил дожидаться прибытия из будущего Сергеева-младшего, а также своего сына Вадима. Тот служил в спецподразделении ФСНК «Гром» и имел опыт по задержанию разного рода нехороших субъектов. Заодно можно будет применить кое-что из спецсредств, в XIX веке еще неизвестных.

Александр рассказал сыну об изобретении одноклассника. Удивительно, но Вадим отнесся к этому достаточно спокойно – дескать, чего только ученые ни наизобретают.

Впрочем, делами, происходящими в прошлом, он заинтересовался и был не прочь побывать там. Кстати, именно он познакомил с некоторыми приемами работы спецназа откомандированного в будущее ротмистра Соколова.

Выслушав план Шумилина, граф Бенкендорф согласился с его доводами. Все усадьбы, где жили нехорошие поляки, уже взяты под наблюдение жандармами, и в случае каких-либо осложнений можно начать их немедленный штурм. Но при этом неминуемы потери, как среди жандармов, так и среди слуг и дворни, которые к боевикам не имеют никакого отношения.

После ухода графа Александр решил прилечь и немного отдохнуть. Бок у него еще побаливал. К тому же после путешествия в Шлиссельбург он немного подустал.

Но посибаритствовать ему не дали. В комнату вошел лакей, который сообщил, что во дворец приехал цесаревич и «желает переговорить с господином Шумилиным». По тому, что встреча с Александром Николаевичем не была оговорена с императором, Шумилин понял, что цесаревич прибыл, так сказать, в порядке частной инициативы.

Можно было, конечно, отказать во встрече, сославшись на плохое самочувствие. Но отказ оскорбил бы будущего императора, что впоследствии могло сильно осложнить их жизнь в прошлом. Поэтому Шумилин, кряхтя, встал с дивана и вышел из комнаты, чтобы лично встретить цесаревича.

Александр Николаевич первым подошел к Шумилину и почтительно с ним поздоровался.

– Здравствуйте, Александр Павлович, – сказал он, – прошу извинить меня за то, что я вас побеспокоил. Я поговорил с сестрой, и она мне так много интересного рассказала о вашем будущем, что мне ужасно захотелось самому побывать там. Я понимаю, что без разрешения папа вы меня туда не отправите. Поэтому я попрошу вас, чтобы вы поговорили с ним и поддержали мою просьбу.

Шумилин с улыбкой посмотрел на крепкого и рослого молодого человека, который сейчас смущенно стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу. В общем-то, в его планах было такое путешествие. Ведь случись что с Николаем, на российский престол взойдет Александр. Надо, чтобы цесаревич Александр стал их другом и единомышленником.

– Ваше императорское высочество, – сказал Шумилин, – вы правы. Мы действительно не сможем отправить вас в будущее без разрешения императора. Это так. Но думаю, ваш батюшка такое разрешение все же даст. Что касается беспокойства, то это я должен перед вами извиниться. Аничков дворец вам передал государь для того, чтобы вы в нем жили со своей будущей супругой. И вы будете в нем жить счастливо, у вас родится восемь детей – шесть сыновей и две дочери...

Цесаревич слушал Шумилина, открыв рот от удивления... Потом, видимо вспомнив, что с ним разговаривает человек, которому известна вся его будущая жизнь – от рождения до смерти, – он немного успокоился.

– Александр Павлович, – спросил он, – а что со мной еще должно произойти в вашем будущем?

– Ваше императорское высочество, – твердо ответил цесаревичу Шумилин, – ваше будущее уже не будет таким, как наше прошлое. И все из-за нас. Мы вмешались в ход течения истории. Казалось, вмешательство наше незначительное, но оно произошло, изменения нарастают, и дальше все пойдет по-другому. Поэтому я пока не смогу выполнить вашу просьбу... В ваших же, между прочим, интересах.

Цесаревич разочарованно вздохнул и, немного помолчав, продолжил:

– Сестра рассказала мне о том, что в вашем времени живут удивительные люди, совершенно не похожие на нас. У вас замечательные машины и механизмы, которые помогают вам в жизни. Папа рассказал немного о боевой технике, которая его ужаснула. Как мне хочется на все это посмотреть! Это не простое любопытство, Александр Павлович. Ведь когда-нибудь и я стану императором. Мне, конечно, очень хотелось бы, чтобы это случилось как можно позже. Но когда-то это все же произойдет. И мне надо научиться всему тому, что знаете вы, чтобы не наделать ошибок, которые были сделаны мною в вашем прошлом. Я хочу, чтобы Россия стала сильной и могучей державой, которой был бы не страшен ни один супостат.

«А что, этот молодой человек прав, – подумал Шумилин. – Рассуждает он вполне здраво. Надо будет, действительно, переговорить с Николаем, чтобы отпустил его к нам. Это будет своего рода «стажировка» будущего самодержца. Хуже, во всяком случае, от этого не станет. Заодно он у нас вылечится от либеральной золотухи, которая в нашей истории доведет его до взрыва на Екатерининском канале».

– Хорошо, – Шумилин прервал затянувшееся молчание, – с вашего позволения, я буду называть теперь вас Александром – естественно, в отсутствие посторонних. В нашем времени не употребляются титулы и звания. И обращение к вам «ваше императорское высочество» может вызвать у моих современников в лучшем случае недоумение. Так вот, я обещаю, что переговорю с вашим отцом и постараюсь убедить его дать вам разрешение на путешествие в Петербург ХХI века.

Обрадованный цесаревич откланялся. Выйдя из Аничкова дворца, он на третьей скорости помчался в Зимний, чтобы там начать обработку своего венценосного родителя, упрашивая дать добро на межвременной вояж. А Шумилин опять лег на диван, чтоб хоть немного отдохнуть и, если повезет, то и поспать полчаса. Но мечтам его опять не суждено было сбыться.

В коридоре слышались чьи-то голоса. Через полминуты в комнату вошли граф Бенкендорф и Сергеев-старший. Они были чем-то взволнованы.

– Извини, Палыч, – сказал Виктор, – но похоже, что события придется ускорить. Люди Александра Христофоровича сумели выяснить, что помимо поляков нашлись и местные «несогласные», которые замышляют что-то вроде нового 14 декабря. Хотя пока они лишь ведут крамольные разговоры, но ведь и господа с Сенатской площади тоже начинали с болтовни в светских салонах и масонских ложах. А закончили вооруженным мятежом.

Так что одевайся и поехали с нами в Зимний. Ты в таких делах разбираешься лучше меня. Надо немедленно доложить императору все, что нам удалось узнать...

Клубок змей

Император, похоже, не на шутку был встревожен происходящим. Это было видно по его внешнему виду. Всегда спокойный, подчеркнуто флегматичный, сегодня он был не похож на самого себя. И его можно понять. Начавший свое царствование с мятежа на Сенатской площади, когда решался вопрос не только о власти, но и о жизни всей царской фамилии, Николай не хотел повторения событий 1825 года.

– Добрый день, Александр Павлович, – приветствовал он Шумилина, – я полагаю, что граф ввел уже вас в курс дела. Нам удалось получить сведения о том, что некоторые из высокопоставленных особ желали бы выступить против своего монарха. И связано это с отставкой вице-канцлера Нессельроде.

Шумилин на минуту задумался, а потом уверенно произнес:

– Григорий Александрович Строганов?

Император недоуменно посмотрел на Александра, а потом укоризненно сказал Бенкендорфу:

– Граф, но я же просил вас не называть пока никаких имен!

– А я и не называл, ваше величество, – ответил немного обиженный Бенкендорф, – похоже, Александр Павлович сам обо всем догадался.

Николай вопросительно посмотрел на Шумилина:

– Скажите, друг мой, все ли в вашем времени так же, как и вы, осведомлены о хитро-сплетениях и интригах моего царствования?

– Нет, ваше величество, – ответил Александр, – но в свое время я всерьез занялся изучением тайны гибели Пушкина. Вот оттуда-то и растут ноги всего этого змеиного клубка. Позвольте мне выслушать то, что удалось выяснить Александру Христофоровичу, после чего я добавлю кое-какие недостающие детали этого дела.

Бенкендорф вопросительно посмотрел на императора и, дождавшись его кивка, начал излагать суть событий. Агентам удалось узнать следующее.

Граф Григорий Александрович Строганов был единственным сыном барона Александра Николаевича Строганова, действительного тайного советника и члена Санкт-Петербургского Английского клуба. Заведение сие фактически было масонской ложей. В нем тамошние вольтерьянцы оттачивали остроумие, высмеивая «варварские нравы и пороки» русского народа, представителями которого члены этого клуба, надо полагать, себя не считали.

В 1778 году барон Строганов отправил сына в путешествие по Европе вместе с кузеном – Павлом Строгановым, и его воспитателем Шарлем-Жильбером Роммом.

Это была весьма примечательная личность. Сын королевского прокурора остался во Франции, стал отъявленным якобинцем, голосовавшим за смертный приговор королю Людовику XVI. Нетрудно догадаться – чему учил юных Григория и Павла Строгановых месье Ромм. Григорий, правда, узнав о кончине отца, уехал из Франции. А вот Павел принял участие в штурме Бастилии и был принят в Якобинский клуб.

Григорий Строганов решил стать дипломатом. В 1804 году его направили посланником в Мадрид. Но в 1808 году при приближении к столице Испанского королевства войск Наполеона он в панике бросил дипломатическое представительство на произвол судьбы и бежал в Россию. Однако связи и богатство помогли ему остаться на плаву. В 1812 году он стал посланником в Стокгольме, а в 1816 году – в Константинополе.

Еще один зигзаг карьеры Григория Строганова – после событий 14 декабря его назначили членом Верховного уголовного суда по делу декабристов.

Все это императору и Бенкендорфу было хорошо известно. Так же, как и то, что граф Строганов – графское достоинство он получил в 1826 году – был в близких отношениях с вице-канцлером Нессельроде.

Был у них общий знакомый – голландский посланник барон Луи Геккерн, и его «приемный сын», а на самом деле – сексуальный партнер, Жорж Дантес – убийца Пушкина. Именно Строганов и его супруга Юлия Павловна были посаженными отцом и матерью на свадьбе сестры Натали Пушкиной – Екатерины Гончаровой – с Жоржем Дантесом. Именно Строганов, по словам современников, «отличавшийся знанием всех правил аристократической чести», «объявил Дантесу решительно, что за оскорбительное письмо непременно должно драться». То есть фактически подписал Пушкину смертный приговор.

Вот такая складывалась цепочка: Нессельроде – Григорий Строганов – его сын Александр Григорьевич Строганов, в настоящее время министр внутренних дел Российской империи. Я полагаю, что недавний инцидент с бывшим петербургским обер-полицмейстером Кокошкиным, когда под стражу угодил уважаемый Виктор Иванович Сергеев, был далеко не случаен. Учитывая, что у этих лиц были обширные знакомства и немалые состояния, можно было ожидать от них любых действий как против императора, так и против его гостей из будущего.

Попытка захвата Шумилина на Фонтанке показала, что британцы уже что-то заподозрили. Вполне вероятно, что этими подозрениями они поделились со своими конфидентами из российского высшего света.

Высказав свои мысли Николаю, Шумилин стал ждать, что ответит ему император. Немного помолчав, царь сказал:

– Александр Павлович, как я вижу, вы неплохо разбираетесь в наших делах. Я попрошу вас вместе с графом Бенкендорфом обобщить все имеющиеся у вас сведения, тщательно все взвесить и решить – смогут ли сторонники бывшего вице-канцлера выступить в самое ближайшее время или нет. И какие при этом у них реально могут быть силы. Это очень важно.

Не стоит забывать и о зарубежных связях Нессельроде и Строганова. А также и об их масонских связях. Я своим рескриптом от 21 апреля 1826 года объявил, чтобы все лица, имевшие прикосновение к масонству, дали подписку о том, что они вышли из лож и обязуются больше в них не входить. Но я знаю, что кое-кто, дав такую подписку, продолжали считать себя масонами. И самое главное, поддерживают связи с зарубежными ложами.

И еще – прошу вас не забывать о польских злодеях, которые сидят в усадьбах своих сторонников. Они могут быть связаны с людьми, о которых мы только что говорили. Александр Павлович обещал помочь нам в их аресте. Конечно, у меня достаточно жандармов и войск, чтобы взять их разбойничьи гнезда штурмом. Но в завязавшейся схватке могут погибнуть невинные люди. Злодеи при этом тоже будут убиты. А нам желательно, чтобы они остались живы и их можно было допросить.

– Ваше величество, – сказал Шумилин, – операцию по задержанию польских боевиков мы уже прорабатываем. Руководить ею будет мой сын Вадим. Он служит в спецподразделении, которое занимается задержанием преступников. Им часто приходится делать это в жилищах, проникая туда через выломанные двери и окна. При этом преступники оказывают отчаянное вооруженное сопротивление, и бойцы спецподразделения должны уметь действовать так, чтобы захватить преступников и остаться целыми и невредимыми.

Кстати, ваше величество, ротмистр Соколов, которого вы отправили к нам на стажировку, прошел обучение у моего сына. Конечно, по сокращенной программе, но кое-чему его все же научили.

– Это очень интересно, – сказал Николай, – Александр Павлович, а можно ли посмотреть на то, чему его там у вас научили? Как бы это все организовать?

– Ваше величество, – ответил Шумилин, посмотрев на Сергеева, – я думаю, что завтра после полудня вам это можно будет показать на Черной речке. Вот Виктор Иванович нам в этом поможет.

– Хорошо, господа, – сказал Николай, показывая, что разговор закончен и пора прощаться. – До завтра. Граф, а вы останьтесь, мне надо с вами посоветоваться.

Коммунальная квартира

А чем занималась Ольга? У нее был свой фронт работ. «Кузина-белошвейка» располагалась в комнате, смежной с покоями дочерей Николая. Правда, одна из них, Мария, вышла недавно замуж и жила в другой половине Зимнего со своим мужем. А вот Адени и ее старшая сестра Ольга жили в своих девичьих комнатах, расположенных на первом этаже – под апартаментами императора и его супруги. То есть фактически Ольга жила в царских покоях. Так как на первом этаже и на третьем, где располагались покои императора, не было столовых, то вся царская семья обедала на втором этаже – в покоях императрицы Александры Федоровны.

Видимо после небольшого совещания с женой, Николай пригласил Ольгу обедать вместе с ними. Конечно, такой поступок был вопиющим нарушением дворцового этикета, но император, в предчувствии глобальных перемен, махнул на это рукой.

Так Ольга познакомилась с большой царской семьей. Впрочем, многих из них она уже знала. Ну, а те, кто еще не были знакомы с гостьей из будущего, с любопытством смотрели на таинственную «Ольгу Валериевну», которая, не обладая пышными титулами и ранее никому не известная, тем не менее пользовалась уважением у государя и его супруги.

Этот момент оценили не только лакеи и слуги, но и некоторые вельможи. С Ольгой стали почтительно раскланиваться при встрече украшенные орденами генерал-адъютанты, министры и главы департаментов, прибывшие на доклад к царю.

Ну, а вещи, которые Ольга привезла из будущего, произвели настоящий фурор у членов царской семьи. Императрица, по совету Ольги вымывшая волосы с шампунем, была удивлена их ароматом, мягкостью и пышностью. Туалетные воды и духи из будущего вызвали у фрейлин Александры Федоровны бешеную зависть.

А когда на прогулке она и Адени вышли не с обычными кружевными зонтиками, а с дамскими зонтиками-автоматами, которые эффектно раскрылись над их головами после нажатия на кнопку, восторгам у окружающих их дам не было конца. Хотя с точки зрения Ольги, кружевной зонтик из XIX века был гораздо красивее изделия китайского ширпотреба, княгини и графини не могли отвести глаз от их зонтиков, украшенных ярким китайским орнаментом и фигурками драконов.

Ольге с ходу предложили бешеные деньги за ее зонтик. Она отказалась, после чего предложенная ей сумма выросла вдвое. В общем, пришлось срочно заканчивать прогулку и возвращаться во дворец. Ольга подумала, что надо будет при следующем походе в прошлое закупить партию зонтиков. Подобное изделие, подаренное нужному человеку, может помочь решить многие сложные вопросы.

Пока мужчины занимались шпионскими играми, Ольга внимательно наблюдала за бытом обитателей Зимнего дворца. Она сделала вывод, что бездельниками и сибаритами членов царской семьи назвать было бы несправедливо. Настоящим работягой оказался сам император Николай I, который порой трудился целыми днями, оставляя на сон три-четыре часа.

Не менее тяжелым был труд и императрицы Александры Федоровны. Она, правда, государственные вопросы не решала, но на ее попечении находились многие учебные заведения, сиротские дома и богадельни. Императрица регулярно посещала их, выслушивала жалобы и пожелания и старалась помочь своим подопечным.

Царские дети учились, и график их занятий был таков, что его, пожалуй, не выдержали бы и старшеклассники из XXI века, готовящиеся к ЕГЭ. Они учили языки, причем сразу несколько, литературу, историю. Мальчики занимались строевой и физической подготовкой, изучали военное дело, а девочки учились музыке, рисованию и рукоделию. На праздную жизнь у них просто не оставалось времени.

Ольга, чтобы не выглядеть белой вороной среди трудяг Романовых, решила заняться тем, что хорошо умела делать – шитьем. Первое же ее платье, которое она скроила и сшила для Адени, вызвало восторг у самой великой княжны и ее сестер. Николай и его супруга, посмотрев на продукцию фирмы «Ольга Румянцева энд Компани», после недолгого обсуждения пришли к выводу, что платье это, конечно, очень красиво и прекрасно подходит Адени. Но для взрослой дамы оно несколько смелое. Впрочем, чуть позже Александра Федоровна, оставшись с Ольгой наедине, смущаясь и краснея, сказала, что хотела бы, чтобы и у нее тоже появилось такое платье.

Ну, и помимо всего этого Ольга занималась лечением Адени. Алексей Кузнецов дал ей сумочку с лекарствами и наставление, где подробно было расписано: что, как, когда и сколько давать девушке. Часть лекарств следовало принимать в виде таблеток и пилюль, а часть – в виде инъекций.

Ольга, в свое время вынужденная ежедневно ставить уколы больной тетке, неплохо освоила это деликатное дело. Она захватила из будущего необходимое количество одноразовых шприцев и теперь сама колола бедную девушку. Впрочем, та переносила уколы спокойно, говоря Ольге, что «ей совсем не больно».

Так оно или нет, но доморощенной медсестре очень жалко было вонзать иглу в нежную девичью попку. С другой стороны, гораздо хуже было бы, если девушка через четыре года умерла бы в самом расцвете лет, как это произошло с ней в реальной истории.

Наблюдая за жизнью царского дворца, Ольга невольно вспомнила коммунальную квартиру, в которой ей довелось провести детские годы. Помимо членов царской фамилии и придворной челяди в Зимнем жило много разных интересных людей.

Взять, к примеру, арапов. Это были натуральные негры, жившие при дворе царя. Всем известен «арап Петра Великого», ставший предком Александра Сергеевича Пушкина. Вся служба выходцев из Африки заключалась в том, что, вырядившись в пышные восточные одежды, они торжественно открывали и закрывали двери в царских покоях. За такое нехитрое занятие негры получали довольно высокий денежный оклад – до двухсот рублей в год. И это при том, что они были полностью на казенном коште.

Правда, не каждый, у кого была черная кожа, мог попасть в число счастливчиков. В первую очередь во дворец брали тех, кто был выше ростом и черней кожей. Вновь поступивших крестили, после чего они считались принятыми на царскую службу. Дети, рожденные от придворных арапов, в свою очередь занимали вакантные места своих родителей. Например, у Николая был арап, имя и фамилия которого мало походили на африканские: Александр Алексеев.

Среди придворных арапов оказалось немало тех, кто сбежал в Петербурге с торговых кораблей САСШ и пришел наниматься на службу в Зимний дворец. Дабы не допустить международных скандалов, императорская казна выплачивала бывшим владельцам чернокожих рабов компенсацию. Ранее бесправные и забытые американские негры вольготной жили на царских хлебах. Им даже разрешалось вывозить из САСШ свои семьи и посещать родственников во время отпусков.

Отношение к слугам в Зимнем дворце было почти патриархальное. Многие из них служили российским монархам уже в третьем или четвертом поколении, строго следуя всем правилам и предписаниям.

Были, конечно, и воришки. Но на мелкие кражи дворцовое начальство смотрело сквозь пальцы, считая, что таким образом оно как бы доплачивает служителям Зимнего, получавшим сравнительно небольшое жалованье. Слуги, в свою очередь, показывали, что они ценят доверие батюшки-царя и берегут его имущество.

Недавно, в январе 1840 года, после Высочайшего выхода, при уборке парадных залов слуги нашли потерянную бриллиантовую пуговицу. О находке они немедленно доложили по

инстанции. Выяснилось, что эту драгоценную пуговицу от парадного платья потеряла великая княжна Мария Михайловна. Слуг щедро наградили «за честность».

В свободное время Ольга связывалась по рации с Аничковым дворцом и узнавала последние новости. Ей было скучно без друзей, но, как сказал ей Шумилин, скоро многое в столице и стране должно измениться. И тогда они будут чаще видеться. А пока Ольга плотнее входила в царское окружение и наблюдала за тем, что происходит вокруг Николая.

* * *

В условленное время к Аничкову дворцу подъехала карета Дворцового ведомства. Лакей сообщил господам Шумилину и Сергееву, что им следует отправиться «в известное место». То есть к Черной речке, где должны были состояться показательные выступления Сергеева-младшего.

Накануне туда выезжал Сергеев-старший, с нанятыми плотниками соорудивший что-то вроде импровизированной штурмовой полосы. Рассчитавшись с рабочими, он дождался кратковременного открытия портала и договорился с сыном и племянником о порядке проведения и о сценарии будущего мероприятия.

Предков надо было сразить наповал. Естественно, не в прямом, а в переносном смысле. То есть показать им все, на что способны люди, которых долго и профессионально учили убивать и калечить своих ближних.

У церкви Рождества Иоанна Предтечи на Каменноостровском проспекте их поджидала карета, в которой находились Николай I, граф Бенкендорф, цесаревич и, к удивлению Шумилина, Адини.

Поздоровавшись с ними, император шутливо развел руками:

– Александр Павлович, Виктор Иванович, вот не смог я устоять перед просьбой Адини. Эта егоза хочет посмотреть на воинские упражнения ваших сыновей.

– Папа! – укоризненно воскликнула Адини. – Я ведь уже была там! И мне можно видеть людей из будущего. Они такие...

Тут девушка неожиданно зарумянилась и замолкла.

Император посмотрел на нее и покачал головой. Он что-то хотел сказать, но передумал и предложил всем сесть в кареты.

– Давайте отправимся к месту, где нас, наверное, уже ждут, – сказал он. – Я думаю, что отважным молодым людям будет что нам показать.

На уже хорошо знакомой всем поляне кареты остановились. Пассажиры вышли и пешком отправились к тому месту, где над густыми зарослями кустарника виднелся шест с привязанной к его верхушке успевшей полинять красной тряпице.

– Гм, – задумчиво сказал Николай, оглядывая пустую поляну, – похоже, что мы пришли сюда первые...

– Ошибаетесь, ваше величество, – раздался знакомый всем голос. – Мы уже здесь.

Царь посмотрел по сторонам, но никого не увидел.

Неожиданно ожили два куста. Они зашевелились, выпрямились, и все увидели, что никакие это не кусты, а Николай Сергеев и ротмистр Соколов, одетые в странную одежду, которая, как показалось императору, состояла сплошь из лоскутков и ленточек всех оттенков зеленого цвета.

От неожиданности Адини вскрикнула, а граф Бенкендорф непроизвольно закрыл собой Николая.

– Ах, какие шутники! – со смехом воскликнул император. – Как вы ловко спрятались! В двух шагах от вас прошел бы и не приметил!

– Ваше величество, – степенно стал объяснять Шумилин, – это маскировочный костюм «кикимора». Хорош для охотников, а также для тех, кто скрадывает двуногую дичь.

– Удивительно! – сказал граф Бенкендорф. – Все так просто. И почему я не додумался до этого, когда со своим партизанским отрядом воевал с Наполеоном? А на Кавказе такие костюмы позарез нужны нашим казакам и егерям.

Цесаревич и Адини не отрывали взгляда от улыбающихся Сергеева-младшего и Соколова. Причем девушка во все глаза смотрела только на Николая, чувствуя, что сердечко у нее вдруг быстро-быстро забилося, а лицо запылало.

– Ваше величество, – сказал Сергеев-младший, – сейчас к нам подойдет подкрепление. А мы, с вашего позволения, пробежимся по кругу и посмотрим, нет ли здесь того, чье присутствие нежелательно.

Скинув «кикиморы» и оставшись в обычных «цифровых» камуфляжах, они рысцой побежали вдоль периметра «зоны особого внимания». Остальные стали с нетерпением ожидать открытия портала.

Как оказалось, для людей XIX века нынешний день стал днем сюрпризов. Когда сияющий изумрудный ободок, появившийся в воздухе, раскрылся полностью, император, а за ним цесаревич и Адини, вздрогнули от неожиданности. Из темного ангара на зеленую поляну вышли две черные фигуры с лицами, закрытыми черными шапочками. Один из пришельцев держал на поводке большого пса, черного, с коричневыми подпалинами и без хвоста.

Передав поводок своему спутнику, человек в черном подошел к императору и, встав по стойке смирно, отрапортовал:

– Ваше императорское величество, группа СОБР для демонстрации своих боевых возможностей прибыла. Разрешите начинать?

– Разрешаю, – сказал изумленный император.

И пришельцы начали...

Для начала Вадим и Денис – а это были они – показали присутствующим приемы рукопашного боя. Со стороны это было похоже на выступление акробатов, но как пояснил стоявший рядом Шумилин, бойцы лишь обозначали удары.

– В жизни, ваше величество, – сказал он, – удары не обозначаются, а наносятся в полную силу. И тогда тот, кому достанется такой удар, надолго выйдет из строя. Ребята сейчас вам покажут – какова сила их удара.

По его отмашке Вадим и Денис перестали мутузить друг друга и занялись привычным делом всех рукопашников-собровцев – раскалыванием кирпичей разными частями тела и ломанием досок. Император и Бенкендорф смотрели на все происходящее с удовольствием, цесаревич – с завистью, а Адини – с восхищением.

Тем временем вернулись из пробежки по окрестностям Сергеев-младший и ротмистр Соколов. Они присоединились к Денису и Вадиму, показав, что кое-что из их репертуара им тоже хорошо известно.

Расколов и разломав все, честная компания прошла на другую поляну, где было установлено несколько грубо сколоченных деревянных мишеней, изображавших человеческие фигуры. Никто из демонстраторов не пользовался огнестрельным оружием – ни к чему было привлекать внимание пальбой в роще. Но и колюще-режущими предметами все четверо владела неплохо. Денис метал ножи, Вадим – сюрикены. Брошенные умелой рукой, они попадали в цель.

Потом бойцы подошли к сколоченной из досок стене с вырубленной в ней дырой, имитирующей оконный проем. Начался показ способов проникновения в помещения. Как самостоятельно, так и с помощью товарищей.

Со стороны это выглядело довольно ловко. Раз-два – и человек рыбкой влетает в проем, а следом за ним – следующий...

Ну, а на десерт Вадим, уже снявший «балаклаву», показал возможности своего пса. Сникерс провел показательное задержание ротмистра, который надел импровизированный дресско-стюм и изображал злодея, размахивающего руками и делающего угрожающие жесты. Сникерс с рычанием набросился на Соколова, сбил его с ног и, усевшись над ним, не давал пошевелиться.

В общем, император, цесаревич, граф Бенкендорф и Адини были впечатлены по полной. Цесаревич не мог скрыть восхищения, а его сестра, словно маленькая девочка, в восторге хлопала в ладоши и кричала: «Браво!»

Закончив свое выступление, бойцы подошли к царю. Николай с улыбкой смотрел на них.

– Да, господа, – сказал он, – не скрою, удивили вы меня, ей-богу удивили! С такими бравыми вояками не страшно идти даже на самого черта. Как вы всему этому научились?

– Как у Суворова, ваше величество, – бодро доложил Вадим Шумилин. – Тяжело в учении, легко в бою! Александр Васильевич еще говорил: «Вот, братцы, воинское обучение, господа офицеры, какой восторг!» К тому же в нашем времени есть весомый повод для усердной учебы. Будешь хорошо подготовлен – получишь лишний шанс уцелеть в бою.

– Да, теперь я вижу, что вы наверняка справитесь с этими разбойниками-поляками. А скажите, Александр Павлович, – царь обратился к Шумилину, – можно ли научить всему этому с десяток-другой моих казачков? Они у меня молодцы хоть куда.

– Думаю, что сие вполне возможно, ваше величество, – сказал Шумилин, переглянувшись с сыном. – Мы готовы вам помочь. Но об этом лучше поговорить отдельно.

– Отлично, – сказал Николай, – а теперь я прошу всех вас отобедать со мной. Мы немедленно отправимся в Аничков дворец и там продолжим разговор...

Диспозиция на будущее

В Аничковом дворце приглашенные привели себя в порядок. Бойцы отправились в туалетную комнату, где в медных лоханях их уже ждала теплая вода, а лакеи, даже не пытавшиеся скрыть свое изумление при виде их лиц, держали наготове льняные полотенца. После того, как с тела был смыт пот, а с лица – боевой грим, их пригласили пройти в столовую. К тому времени вышколенные слуги уже успели накрыть стол.

Обед был обильным, но без спиртного. Рядом с императором стояло блюдо с нарезанными солеными огурцами. Изрядно проголодавшиеся гости из будущего налегали на мясные блюда, в то время как Николай, Бенкендорф, цесаревич и Адими лишь притронулись к еде, с интересом поглядывая на тех, кто пару часов назад показал им свое боевое искусство.

Император, сидевший рядом с Шумилиным, обсуждал с ним возможности спецчастей, которые могли быть сформированы по образу и подобию подразделений специального назначения XXI века.

– Ваше величество, – убеждал Шумилин царя, – тут важно не столько вооружение и оснащение, сколько люди, которые будут учиться всем нашим премудростям. Лучший для этого материал – казаки-пластуны. Они инициативны, научены разным воинским хитростям, смелы. Рекруты, набранные из крепостных, для этого вряд ли подойдут. Впрочем, спецназовцы – это штучные бойцы, обучение которых потребует немало времени и средств.

– Ну, Александр Павлович, – заверил Николай, – насчет денег вы можете не беспокоиться. Скажите только – чего и сколько надо. И вы все своевременно получите. А время... Я думаю, что ротмистр, который, как я успел заметить, уже кое-чему у вас научился за время своего вояжа в будущее, сможет помочь в ваших экзерцициях. Как, ротмистр, справитесь?

– Так точно, ваше императорское величество, справлюсь! – браво отпартовал Соколов, с аппетитом жевавший в этот момент кусок балыка. Он вскочил со стула и попытался встать по стойке смирно, при этом едва не опрокинув на белоснежную скатерть бокал с шампанским.

– Сидите, ротмистр, – успокоил его император, – вы сейчас не на плацу во время развода караула. Это там нужен бравый вид и строевая выправка.

– Ваше величество, – обратился к царю Сергеев-младший, – необходимо также оборудовать специальный учебный центр, где можно было бы проводить обучение кандидатов в спецназовцев. Нужна нормальная штурмовая полоса, тир, тренажеры. Мы, конечно, нарисуем вам чертежик того, что надо будет сделать. Но опять же потребуются материалы, строители, деньги. А также найти место, где все это можно обустроить. Оно должно быть, с одной стороны, уединенное, чтобы рядом не шлялись излишне любопытные субъекты, а с другой стороны, не слишком далеко от Петербурга.

– Я думаю, что Александр Христофорович поможет вам найти подходящее место и все необходимое для его обустройства, – ответил Николай. – И пусть граф станет наблюдающим за созданием новых войск в составе моей армии.

– Насчет оружия и снаряжения, – продолжил Шумилин, – мы, конечно, вам поможем. Но кое-что можно прикупить и в вашем времени. Например, в САСШ четыре года назад оружейник Сэмюэль Кольт начал выпускать довольно неплохие капсюльные револьверы. Почему бы не закупить сотню-другую таких револьверов? Можно переговорить и с самим Кольтом. В ближайшее время дела у него станут совсем плохи, и следует предложить американцу перебраться в Россию и продолжить здесь выпуск оружия, которое будет закупаться военным министерством.

– Граф, – обратился Николай к Бенкендорфу, – наведите справки и выясните, нельзя ли сманить этого самого Кольта в Россию. Ну, и закупите у него револьверы, коль Александр Павлович так хорошо отзывается о них.

– И еще, – продолжил Шумилин, – в Пруссии в этом году приняли на вооружение игольчатую винтовку системы Дрейзе с бумажным унитарным патроном и продольно-скользящим затвором. Она там сейчас сильно засекречена, но наша агентура в Пруссии могла бы попытаться добыть одну такую винтовку и доставить ее в Россию. Именно эта винтовка в 1866 году поможет пруссакам разгромить австрийскую армию.

– Вот как? – сказал император. – А из-за чего у них там война началась?

– Из-за чего? – ответил Шумилин. – Давайте, ваше величество, я вам расскажу потом все более подробно. Запомните только фамилию Бисмарк. Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен.

– Я запомню эту фамилию, Александр Павлович, – сказал Николай, внимательно слушавший рассказ Шумилина. – И насчет ружей Дрейзе тоже постараюсь кое-что придумать.

– Да, ваше величество, ведь наше оружие, даже если мы его сюда и переправим, вряд ли удастся скопировать. Технически сложно, да и стоить оно будет бешеные деньги.

Пока между старшими шли деловые разговоры, молодежь на противоположном конце стола вела довольно легкомысленную беседу. Вадим с Денисом рассказывали цесаревичу Александру анекдоты из ХХI века, естественно, те, которые можно было рассказывать в присутствии великой княжны. Адини не всегда понимала суть анекдотов, но ей нравились веселые молодые люди, так не похожие на ее современников.

Слушая их, Адини все время посматривала на Николая Сергеева. Она любовалась мужественным лицом своего избранника. Да-да, именно сейчас Адини поняла, что просто без ума от него.

После сегодняшней демонстрации боевых искусств великая княжна увидела, что милый Николая – так она теперь его про себя называла – настоящий воин, рыцарь, о которых писал в ее любимых романах английский писатель Вальтер Скотт.

Николай же, слушая беседу старших, нет-нет да и поглядывал на красивую девушку – дочь императора. Но, как в песне поется, «первым делом, первым делом – самолеты...»

А разговор за столом пошел совсем уже серьезный. Решался вопрос, когда и как начать ликвидацию польских осиних гнезд. Бенкендорф достал из кармана несколько листов бумаги, в которых были выписаны названия имений, где прятались боевики. Здесь же указывалась их примерная численность, а также информация о том, в каких жилых строениях они располагались и чем могут быть вооружены.

Подчиненные графа постарались на славу. Они выяснили примерную схему охраны, наличие сторожевых собак, возможные пути отхода – словом, все, что могло пригодиться при планировании спецоперации.

Шумилин прикинул, что одновременно всех поляков отловить вряд ли удастся. Значит, придется действовать в порядке очередности, ликвидируя сначала наиболее крупные группы боевиков и одновременно блокируя прочие.

Бенкендорф обещал выделить в распоряжение Шумилина, которого император назначил своего рода техническим руководителем предстоящей операции, несколько своих людей, а также передать подразделение конных жандармов. Николай добавил, что если потребуются, то группы захвата могут быть усилены даже полевой артиллерией. Но даст бог, до пушек дело не дойдет.

Было решено начать операцию послезавтра на рассвете.

* * *

После обеда старшие отправились в кабинет, где продолжили обсуждение государственных дел, а молодежь, которая совсем уже освоилась и общалась между собой так, словно были знакомы давным-давно, продолжили шутить и смеяться.

К удивлению цесаревича Александра Николаевича, гости из будущего мало чем отличались от его приятелей из гвардейских полков. Конечно, они не знали французского языка, но довольно сносно разговаривали по-английски. Правда, их английский был какой-то странный, полный незнакомых Александру слов.

Да и русский Николая, Дениса и Вадима тоже был весьма специфический. Фразы они строили непривычно для людей из XIX века. К тому же многие слова, которые они употребляли, были непонятны. Но Адини и цесаревич скоро к этому привыкли.

– А давайте сходим, прогуляемся по городу, – неожиданно предложил Денис, – я уже тут немного освоился. Мне все очень понравилось. Необычно, словно исторический фильм смотришь.

– Так это и есть история, – ответил Николай, – это для нас прошлое, а для них – настоящее. Вот Александра, – Сергеев-младший с улыбкой посмотрел на великую княжну, – она, когда в нашем времени была, тоже всему удивлялась.

– Ах, Николай, – воскликнул цесаревич, – если бы вы знали, как мне хочется побывать у вас в будущем! Это как в сказках, которые мне нянюшка рассказывала в детстве. Я обязательно попрошу папа, чтобы он разрешил мне хотя бы на денек отправиться к вам.

– А как насчет прогулки, – снова вернулся к своей идее Денис. – Я вот смотрю, Вадиму очень хочется пройти по Невскому, воспетому Гоголем. Правда, Вадим?

– Правда, – со вздохом ответил Шумилин-младший. – Отец так живо рассказывал о своих приключениях, что мне просто не терпится увидеть все своими глазами.

– Тогда я спрошу у папа разрешения, – ответил цесаревич и отправился в кабинет, где уединились император, Бенкендорф, Шумилин и Сергеев.

– А мне можно с вами? – робко спросила Адини. – Я буду себя хорошо вести...

– Ладно, я спрошу у батюшки и насчет тебя, – сказал цесаревич и постучал в дверь. Услышав грозный голос своего отца, он вздохнул и решительно шагнул в кабинет.

Но похоже, у императора в этот день было хорошее настроение. Это молодые люди поняли, увидев довольное лицо Александра.

– Папа сказал, что можно немного прогуляться, – ответил он на немой вопрос Дениса, – но аккуратно, не вступая ни в какие истории.

– Ну, это мы запросто, – весело сказал Николай, – мы люди тихие, спокойные, нас не тронут – и мы никого не тронем. Правда, Вадим?

Шумилин-младший подмигнул Николаю и похлопал себя по чуть оттопырившейся поле куртки. Денис улыбнулся – он вспомнил, что отправляясь в прошлое, Вадим прихватил с собой ПМ.

– Только, Вадим, тебе надо будет переодеться, – сказал Николай, – у меня и у Дениса есть здешняя одежда, а у тебя нет. Александр, – обратился он к цесаревичу, – вы неделите из своих запасов что-нибудь для нашего друга? Ведь не в камуфляжке же ему рассекать. Не поймут-с прохожие...

Александр увел с собой Вадима, а Денис и Николай отправились переодеваться в неудобные с их точки зрения узкие панталоны, тесные жилетки и смешные цилиндры. Вскоре пришел и Вадим, одетый в костюм в полоску и ставший похожим на участника художественной самодеятельности в сцене из «Евгения Онегина».

Прогулку они решили начать с бульвара у Гостиного двора. Встречные, узнав цесаревича и великую княжну, вежливо и почтительно раскланивались с ними, с любопытством поглядывая на их спутников. Видимо, слухи о необычных людях, появившихся в окружении императора, уже начали расползаться по Петербургу.

Вадим с интересом смотрел по сторонам. Он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что наблюдает не людей, играющих в прошлое, а реальных жителей Петербурга XIX столетия.

Типажи, что называется, классические. Впрочем, взгляды некоторых были далеко не дружелюбные. Несколько гвардейских офицеров, подбоченясь, вызывающе поглядывали на пришельцев из будущего. И, похоже, только присутствие наследника престола удерживало их от того, чтобы не попытаться затеять ссору с новыми царскими фаворитами.

Но ни Денис, ни Николай, ни Вадим не обращали на их косые взгляды никакого внимания. В конце концов, не стреляться же с этими недоумками. Да и император, узнав о ссоре, загнал бы нахалов туда, где Охотский порт показалась бы им райским местом.

Александр оживленно беседовал с Вадимом, расспрашивая его о Петербурге XXI века. А Денис, в стиле поручика Ржевского, беседовал с Адини, которая смеялась над его шутками, поглядывая при этом на Николая. Сергеев-младший больше молчал, лишь иногда спрашивая Адини о магазинах, которые попадались им по пути.

Так, не спеша, они подошли к Казанскому собору, остановились перед ним и долго любовались его стройной колоннадой и памятниками Кутузову и Барклаю, установленными перед собором три года назад. Еще не было в помине ни Дома книги, ни храма Спаса на Крови. И потому вид Екатерининского канала был непривычен для людей XXI века.

Вадим рассказал цесаревичу о тех злоключениях, которые претерпел в XX веке этот памятник воинской славы и один из главных соборов Петербурга. Александр лишь качал головой, слушая рассказ Шумилина-младшего.

– А сейчас что в этом соборе? – поинтересовался он у Вадима. – Надеюсь, его снова освятили и проводят в нем службы.

– Да, освятили, – ответил Вадим, – и он теперь стал кафедральным собором Санкт-Петербурга.

Дойдя до кондитерской Вольфа и Беранже у Полицейского моста, Николай остановился и посмотрел на заведение, из которого Пушкин со своим секундантом Данзасом отправился на роковую для него дуэль.

Он с минуту постоял, словно отдавая долг памяти великому русскому поэту, а потом посмотрел на притихшую Адини и улыбнулся ей. Эта удивительная девушка нравилась ему все больше и больше. В ней было столько чистоты и нежности, доброты и искренности...

Николай вздохнул. Он знал, что только в сказках простые люди – а к таковым он относил себя – женятся на принцессах. Пусть Адини будет счастлива с каким-нибудь королем или герцогом. Ведь ни за кого другого император не отдаст свою любимую дочь.

«А может быть, сбежать с ней в будущее? – неожиданно подумал он. – Там отец над ней не властен, да и достать ее он там вряд ли сможет. Документы для нее сварганим, уедем куда-нибудь на другой конец страны – ищи-свищи нас. Вот только Адини вряд ли решится на это... Да и не стоит пороть горячку. Мало ли что может произойти – накроется, к примеру, чудомашина Антона, и останемся мы каждый в своем времени. Ладно, проживем – увидим...»

– А вот и наш дворец, – сказала Адини. – Может быть, зайдем к нам в гости? Я познакомлю вас с братьями и сестрами. Да и мама будет рада увидеть тех, кто принял такое участие в моей судьбе...

– В самом деле, господа, – обратился к ним цесаревич. – Погостите у нас. Ольга Валерьевна тоже будет рада вас видеть. Она ничего не говорит, но я вижу по ее лицу, что ей хочется пообщаться со своими друзьями.

Против этого аргумента Денис, Николай и Вадим не смогли устоять. И вся компания направилась к Салтыковской лестнице Зимнего дворца, которая вела прямоком в царские покои.

Подготовка к штурму

Пока молодежь гуляла, старшее поколение занималось планированием операции «по ликвидации шляхетского бандподполья» – так мудро Шумилин назвал польских боевиков, окопавшихся в Петербурге.

Всего объектов было семь. Но лишь в двух из них проживало более десяти боевиков. Именно поэтому они и заслуживали особого внимания. В остальных жило от трех до пяти человек. Задержать их обитателей без особого труда можно было силами полиции и жандармов. А вот в два наиболее опасных осиных гнезда польских мятежников необходимо послать усиленные группы захвата, возглавлять которые должны гости из будущего. Первую группу поведет Вадим Шумилин, вторую – Денис.

С Вадимом пойдет и Сергеев-младший. Дело в том, что по описанию агентов III отделения, объект, который им надо будет захватить, был крепким орешком. В усадьбе – точнее, небольшом двухэтажном домике с фруктовым садом в Новой Деревне, принадлежавшем отставному польскому генералу, находилось пятнадцать отлично вооруженных боевиков. Возглавлял их пожилой шляхтич, судя по полученной информации, ветеран легионов Домбровского. Он сражался в Испании, участвовал в нашествии «великой армии» Бонапарта на Россию, откуда сумел каким-то чудом унести ноги. Словом, противник опасный.

Да и судя по тому, как была организована караульная служба в этой усадьбе, чувствовалась рука опытного воина. Граф Бенкендорф сказал Шумилину, что очень сожалеет о том, что эта, как он выразился, «польская сволочь» не попала ему в 1812 году, когда граф партизанил во французских тылах. Шумилин утешил Бенкендорфа, сказав, что в этот раз неугомонного ляха точно уконтропуют.

А во второй усадьбе, расположенной в районе Оккервиля, где окопалась дюжина поляков, наоборот, царил полный бардак. Охрана была организована... Точнее, она была не организована совсем. На агента Бенкендорфа, который заявился в усадьбу под видом торговца-офени, никто не обратил никакого внимания.

По словам местных крестьян, поляки целыми днями пьянствовали, приставали к дворовым девкам, а один раз даже устроили что-то вроде поединка, схватившись по пьяной лавочке за сабли.

Насчет них у Шумилина появилась одна идея. Но он решил ее обсудить с ротмистром Соколовым, который должен был вместе с Денисом руководить захватом этой усадьбы. Граф, воспитанный в традициях рыцарского XVIII века, мог и не согласиться с его планом.

Осталось лишь дожидаться молодежь, которая ушла погулять и, похоже, пока не спешила возвращаться. И зря – завтра с утра в бой. Поскольку выйти к объекту надо загодя, то до ночи следовало бы все обсудить, согласовать и экипироваться.

Сбор участников операции назначили на 24:00 по местному времени. Выдвижение на исходную – на 02:00. Начало операции – в 05:00. Похоже, что поспать участникам операции в эту ночь не придется.

Граф Бенкендорф обещал, что он соберет и проинструктирует жандармов, которые будут действовать самостоятельно. Он даже сам захотел поучаствовать в захвате, видимо, вспомнив лихую партизанскую молодость. Но Шумилин осторожно, стараясь не обидеть старого кавалериста, уговорил его остаться в Аничковом дворце и руководить всей операцией. С ним будет рядом Сергеев-старший, который должен поддерживать связь с двумя ударными группами с помощью радиостанции. Вадим, отправляясь в прошлое, прихватил с собой несколько портативных УКВ-радиостанций.

К полуночи к Аничкову дворцу должны подтянуться также жандармы и казаки лейб-конвой, которые примут участие в операции. Кстати, вместе с Денисом среди первых пойдет на штурм флигелька, в котором расположились поляки, его старый знакомый Никифор Волков.

В девятом часу вернулись Денис, Вадим и Николай. Чуть позднее пришел и ротмистр. Немного передохнув, участники предстоящей операции ознакомились с диспозицией и прикинули, что с собой взять и как экипироваться.

Наибольшую опасность вызывали обитатели усадьбы в Новой Деревне. Вооруженные поляки под предводительством опытного и храброго вояки могли наделать немало бед. Поэтому, после совещания, было решено усилить эту группу, добавив к ней ротмистра Соколова.

А против боевиков-разгильдяев в усадьбе на Оккервиле Шумилин-старший предложил использовать старое испытанное средство. Зная пристрастие ляхов к выпивке, он предложил продать им пару бутылок гданьской вудки, предварительно добавив туда немного клофелина. Шляхтичи выпьют – и вырубятся. Даже если и найдется среди них один-другой непьющий, то с ними легко справятся Денис с Никифором.

Доктор Кузнецов «зарядил» клофелином бутылки с вудкой, посмеиваясь про себя над тем, что под старость лет сподобился делать то, чем занимаются дешевые шлюхи с криминальным уклоном. «Заряженные» бутылки тайком от графа передали агенту, который должен был продать их жаждущим выпивки ляхам.

Всю экипировку для спецоперации протасил в прошлое Вадим. Частично она принадлежала ему, частично была одолжена у коллег по спецотряду. А на будущее было решено приобрести все необходимое и хранить в Петербурге XIX века.

Из оружия у Вадима был табельный ПМ, пара светошумовых гранат и аэрозольная безосколочная граната «Дрейф». Николай вооружился «Сайгой» и своими любимыми метательными ножами. Ротмистр собирался пойти в бой с помповым ружьем ИЖ-81. Обращению с ним он научился во время «командировки» в будущее.

Денис прихватил охотничий карабин «Барс» и свои неразлучные нунчаки. Ну, а Никифор держал в руках знаменитую плетку, а за поясом у него торчали два кремневых пистолета. Он был единственным, кто не облачился в камуфляж.

Штурм должен был начаться на рассвете, и потому, после небольшого совещания, Вадим и Денис пришли к выводу, что приборы ночного видения можно с собой и не брать.

К полуночи к Аничкову дворцу прибыли все участники операции. Вадим выбрал пятерых жандармов покрепче, кратко проинструктировал их, и, разместившись в двух больших каретах, «группа захвата» отправилась в Новую Деревню.

Дорога Вадиму была знакома. Она вела к тому месту, где открывался межвременной портал. Только, переехав через Большую Невку, следовало повернуть не направо, а налево.

Ночью на улицах Санкт-Петербурга не было ни души. Будочники, завидев приближающиеся к ним кареты, зевая, выползали на свет божий из будок, держа под мышкой свои дурацкие алебарды. Но увидев жандармские мундиры, они принимали бравый вид и отдавали честь.

Не доезжая до места с полверсты, Вадим и его команда выбрались из карет и, стараясь не шуметь, пошли по дороге к объекту. Восточная часть неба уже начала светлеть. До рассвета оставалось совсем немного...

Вадим, как человек, непосредственно командующий операцией, провел краткий военный совет, разъяснив каждому, что им следует делать.

Ударная группа в составе пришельцев из будущего и ротмистра Соколова должна снять наблюдателей и нейтрализовать наиболее боеспособных поляков. Жандармы будут на подстраховке. Им надлежит доставлять в арестантские кареты – что-то вроде тогдашних автозакów – обезоруженных и связанных поляков. В случае необходимости они должны также отлавливать тех шляхтичей, которые попытаются спастись бегством.

Доверенный человек графа Бенкендорфа, встретивший их неподалеку от усадьбы, сказал Николаю о том, что поляки ведут себя так же, как обычно, и особых мер предосторожности не предпринимают.

По словам информатора, в домике, стоящем чуть на отшибе от двухэтажного дома хозяина усадьбы, в данный момент находится пятнадцать человек. Двое несут постоянную караульную службу, остальные по всей видимости спят. Караульные меняются через каждые два часа. Один из них время от времени обходит домик, второй же с крыльца наблюдает за дорогой, ведущей к усадьбе.

Выяснилось также, что посторонних лиц в домике нет, а следовательно, можно при задержании не стесняться и работать по полной программе.

К счастью, в усадьбе не было собак. Их присутствие могло серьезно осложнить задачу группы захвата. Поэтому Николай и Вадим взяли на себя караульных, а Шумилин-старший и Соколов должны подкрасться к домику и забросить в открытое по летнему времени окно светозумовую гранату. Потом с двух сторон – через дверь и окно – ворваться в помещение и повязать всех находящихся там.

Шумилин-старший, в этой операции бывший простым участником и подчиненным своего собственного сына, велел жандармам, которые с интересом наблюдали за всем происходящим, сразу же после взрыва гранаты выдвинуться к домику и помочь группе захвата вывести из него всех ляхов.

Натянув на лица балаклавы, Николай и Вадим стали перебежками подкрадываться к домику. Поляк, сидевший на ступеньках крыльца – молодой мужчина с лихо закрученными усами и бородкой клинышком, активно нарушал правила несения караульной службы. Он откровенно кемарил, прислонившись к перилам. Рядом с ним на ступеньке лежал пистолет. Время от времени лях просыпался, сонным взглядом осматривался по сторонам и снова начинал клевать носом.

Второй, средних лет поляк с коротким кавалерийским карабином в руках, медленно прогуливался вокруг дома, позевывая и ежась от утреннего прохладного ветерка. Похоже, что его дежурство подходило к концу, и он мечтал о том, как его сменят с поста и он завалится спать.

Николай, дождавшись, когда караульный свернет за угол, пригибаясь, подбежал к крыльцу и, просунув руку сквозь балясины, осторожно забрал пистолет у спящего поляка. Вадим, нырнув за куст цветущего шиповника у стены дома, дождался, когда, протирая глаза, поляк-караульный выйдет ему навстречу, и, неожиданно выпрыгнув из-за куста, ударом ноги в подбородок наглухо отключил караульного. Сидевший на крыльце лях, похоже, сквозь сон почувствовал, что происходит что-то неладное. Он стал шарить рукой по ступеньке в поисках оружия. Но Николай, подскочив к соне, вырубил нарушителя правил несения караульной службы, отоварив по голове его же собственным пистолетом.

Нейтрализовав часовых, Николай и Вадим приготовились к захвату. Подобравшиеся к открытому окну ротмистр и Шумилин-старший переглянулись. Александр достал из кармана разгрузки светозумовую гранату «Заря-2».

Отогнув усики, он взялся за кольцо, вздохнул, выдернул чеку и забросил шипастый шарик в окно домика. Шумилин и Соколов зажмурили глаза и заткнули уши. Через несколько секунд внутри домика блеснула молния и раздался страшный грохот. Из окон брызнули осколки стекол и повалили клубы густого белого дыма. Ротмистр Соколов рыбкой нырнул в окно, а вслед за ним, не так шустро, как жандарм – годы все же брали свое – Александр.

В домике царил крошечный ад. Обезумевшие от яркой вспышки и грохота поляки с дикими криками носились по комнате, служившей по всей видимости спальным помещением, сбивая друг друга с ног и топча упавших. Они были насмерть перепуганы и даже не попытались оказать сопротивление. Ворвавшиеся через дверь Николай и Вадим вместе с Шумили-

ным-старшим и Соколовым хватали их одного за другим, разоружали и, сноровисто связав руки пластиковыми стяжками, выкидывали в окно прямо в руки подоспевших жандармов.

Лишь главарь шайки, пожилой лях, видимо успевший прийти в себя, с кинжалом в руках кинулся на Вадима, интуитивно угадав в нем старшего. Но тот встретил ляха мощным ударом в челюсть, а потом, взяв на болевой прием, аккуратно уложил на пол.

Достав из кармана стяжки, Вадим связал «ветерана польского освободительного движения» по рукам и ногам, после чего с помощью ротмистра через окно передал его двум могучим жандармам.

Операция заняла всего несколько минут и прошла без каких-либо потерь. Как с одной, так и с другой стороны. Несколько сломанных ребер, выбитых зубов и сломанная челюсть – вот, пожалуй, и все телесные повреждения, которые воинственные поляки получили во время захвата. Ну, и почти у всех ляхов были полные штаны дерьма – светошумовые гранаты имеют один, весьма неприятный побочный эффект.

Доложив отцу о том, что все закончено, Вадим поинтересовался, как идут дела у Дениса. Александр запросил о новостях по радиции у руководившего все операцией из Аничкова дворца Виктора Сергеева. Отставной майор доложил, что на Оккервиле захват тоже прошел без жертв и разрушений.

Поляки, выпив свою любимую гданьскую вудку с клофелином, громко запели свою не менее любимую «Мазурку Домбровского»:

Jeszcze Polska nie zginela:
Kiedy my zyjemy.
Co nam obca przemoc wziera:
Szabla odbierzemy.

Marsz, marsz Dabrowski:
Z ziemi wloskiej do Polski.
Za twoim przewodem
Zlaczym sie z narodem.

Что в переводе на русский звучало примерно так:

Ввеки Польша не погибнет:
Если мы живем!
Что враги у нас отняли
Саблями вернём!

Марш, марш Домбровский!
Из Италии в Польшу!
С народом и страной:
Жить одной судьбою!

Пропев эту воинственную песню, жизнерадостные ляхи вырубались, упав мордами в тарелки с закуской. Они уснули беспробудным сном, таким крепким, что жандармы и казаки безо всякого риска повязали весельчаков и в лучшем виде упаковали их в арестантские кареты.

Мелкие же группы поляков были задержаны силами жандармов в окрестностях Санкт-Петербурга. Тут, к сожалению, не обошлось без стрельбы и поножовщины. Подчиненные графа Бенкендорфа действовали излишне прямолинейно, надеясь больше на свое численное превос-

ходство. В результате один жандарм был убит, а еще четверо получили ранения разной степени тяжести.

Понесли потери и поляки. Жандармы, разъяренные неожиданно ожесточенным сопротивлением, не особо церемонились с ними. Результат – шесть убитых шляхтичей. А остальные ранены и избиты до полусмерти.

Граф Бенкендорф, который не отходил от Виктора Сергеева, безвылазно сидевшего у рации, получая доклады от посыльных, посчитал, что совместная спецоперация его подчиненных и гостей из будущего прошла блестяще. Прочитав последнее донесение, Александр Христофорович попрощался с Виктором и отправился в Зимний дворец, чтобы лично сообщить Николаю Павловичу о том, что вражеские гнезда, окопавшиеся столице Российской империи, полностью разгромлены.

Ночь раздумий

В ту ночь, когда совместными усилиями пришельцев и жандармов ликвидировались бандгруппы поляков, в Зимнем дворце многие не спали. Император по старой привычке работал допоздна, время от времени поглядывая на часы и на лежащую на его столе радиостанцию. Это был подарок Шумилина. Николай довольно быстро разобрался в том, как надо пользоваться этим умным устройством, с помощью которого он теперь мог связываться со своими друзьями из XXI века. Такая же радиостанция была в Зимнем дворце еще у одного человека – у Ольги Румянцевой.

Император верил в то, что Николай, Денис, Вадим и Александр Шумилин сумеют справиться с поляками, которые настолько обнаглели, что стали вести себя так, словно они находятся в Варшаве. Но все равно на душе у него было беспокойно. Он уже успел привязаться к новым друзьям, и ему очень не хотелось, чтобы с кем-нибудь из них случилось что-то плохое.

Николай листал бумаги, которые дал ему Александр Павлович, и с удивлением узнавал многое для себя интересное. Например, кто из его приближенных брал взятки, путал казенные деньги со своими. Словом, совершал поступки, за которые в самое ближайшее время нечистым на руку чиновникам и царедворцам придется ответить по всей строгости закона.

К счастью, в другой папке была и приятная для Николая информация. В документах из этой папки он узнал фамилии людей, которыми в будущем гордилась вся Россия. Многие из них были еще совсем юными и пока не успели совершить ничего выдающегося. Но у них все еще впереди. Надо будет взять этих людей на заметку и поручить людям Александра Христофоровича незаметно наблюдать за ними. И не давать в обиду.

Вот, например, в кондукторском отделении Главного инженерного училища, расположенного в Михайловском замке, сейчас учится будущий военный инженер 19-летний Федор Достоевский. Правда, как Николай узнал из бумаг Шумилина, военную карьеру он так и не сделает, зато станет великим писателем.

Николай поморщился – он прочитал, что по молодости Достоевский попадет в плохую компанию и угодит на каторгу. В этой истории такого не должно быть – пусть юноша занимается литературой, а не политикой. Тем более что он сам с возрастом изменит свои взгляды и на жизнь, и на общество.

А сколько таких Достоевских, Пироговых, Менделеевых сейчас находятся в неизвестности и лишь со временем прославят Россию!

За окном стало совсем светло. Ночь кончилась. И тут на столе запищала радиостанция. Николай нетерпеливо схватил ее и приложил к уху.

– Ваше величество, – услышал он голос Виктора Сергеева, – операция закончилась. Все в порядке. Поляки разоружены и арестованы. При задержании они пытались оказать сопротивление, вследствие чего шестеро из них было убито. Несколько человек ранено. Всего задержано живыми тридцать два человека. С нашей стороны потери, – тут сердце у императора екнуло, – убит один жандарм, а еще четверо ранены.

Николай покачал головой. Неприятно, черт по бери.

– Виктор Иванович, – спросил император, – а ваши друзья как – все целы и невредимы?

– Да, ваше величество, – ответил Сергеев, – никто из моих друзей не пострадал. Скоро они будут в Аничковом дворце. Я свяжусь с вами и сообщу об их прибытии.

– Да, Виктор Иванович, я буду с нетерпением ждать от вас весточки. Как только ваши друзья приедут и немного приведут себя в порядок, я немедленно отправлюсь в Аничков дворец и лично расспрошу их о том, как все происходило.

– До связи, ваше величество, – сказал Сергеев.

– До связи, Виктор Иванович, – попрощался с ним император.

Положив на стол рацию, он потер лицо, разгоняя усталость. Неожиданно в дверь кабинета постучали. Николай резко повернулся и недовольно спросил:

– Ну, кто там еще?

– Папа, позволь мне войти, – услышал он голос Адини.

Император поморщился, но сумел сдержать себя и сказал:

– Войди, коль уж пришла.

Адини была одета в легкий халатик и не причесана. Похоже, что она поднялась с постели. Но судя по ее красным глазам и легкой бледности, девушка тоже не спала всю ночь.

– Адини, ты не заболела? – с тревогой спросил дочь император. – Может быть, позвать лейб-медика господина Мандта?

– Нет, папа, я здорова, – ответила Адини, – просто хотела у тебя спросить – у людей из будущего все в порядке? Я слышала, что они должны были этой ночью отправиться воевать с поляками. Случайно услышала, когда Ольга Валерьевна говорила по этой, как ее... радиостанции. Но ведь поляки – такие злодеи! Я помню, как они чуть не убили дядю Константина в Варшаве... Ведь и их тоже могут убить... Александра Павловича, Вадима, Дениса... Николая... – тут Адини всхлипнула. – Папа, у них все живы и здоровы?

– Все живы и здоровы, – успокоил ее Николай, – хотя не обошлось без потерь. Убит один жандарм и четверо ранены. Поляки все арестованы, хотя они и были вооружены до зубов и не желали сдаваться. А ты почему, Адини, так разволновалась? Не спишь, вся бледная, того и гляди, лишишься чувств...

– Папа, – смущенно сказала великая княжна, – я побывала у них, в будущем. Я видела, как они ко мне относятся. Словно я для них родная – они все старались мне помочь. А доктор Кузнецов, Алексей Юрьевич, он вылечить меня старается, от смерти спасти. Я же слышала, – Адини всхлипнула, – что в их прошлом я умерла совсем молодой. Александр Павлович сказал мне, что я буду жить долго-долго и буду счастлива...

Николай почувствовал, что и сам с трудом сдерживается, чтобы не заплакать. Он очень любил Адини и, при всей своей суровости, испытывал к дочери нежность и жалость.

Император обнял ее и прижал к груди.

– Успокойся, милая моя, – сказал он, – все будет в порядке. Эти люди посланы нам самим Господом. Если мы будем с ними честными и если у нас хватит ума не повторить те ошибки, которые мы наделали в их истории, то наше Отечество будет спасено от многих бед и напастей. Сотни тысяч людей останутся живы, матери не будут лить слезы по своим погибшим сыновьям.

Помнишь, что написано в Нагорной проповеди: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». Если с их помощью удастся сохранить мир в нашей стране, то я буду считать, что это самое лучшее, что я совершил за все годы моего правления.

– Папа, ты самый лучший и самый добрый на свете, – всхлипнула Адини, – я тебя очень люблю. Я случайно услышала, – тут Адини покраснела, – что ты собираешься ехать в Аничков дворец, чтобы встретиться с ними. Возьми меня с собой...

* * *

В Аничковом дворце уже началось «производственное совещание», на котором присутствовали все участники «ночи длинных ножей» – так окрестил произошедшее Шумилин-младший.

Ротмистр Соколов, приехавший сюда прямо из здания у Цепного моста, рассказал, что задержанных поляков, после оказания первой помощи, уже начали допрашивать. Некоторые упрямылись и молчали, не отвечая на вопросы. А некоторые, наоборот, перепуганные насмерть, трещали не умолкая, словно боясь, что как только они замолчат, их снова передадут в руки звероподобных жандармов, после чего за их жизнь не дадут и ломаного гроша.

Следователи не успевали записывать все, что спешили сообщить им арестанты. По большей части они несли чепуху. Но кое-что интересное для ведомства Александра Христофоровича все же сообщили.

Так, например, выяснилось, что сагитировал их приехать в Петербург из Варшавы британец, пообещавший хорошее жалование и непыльную работу. К примеру, кого-нибудь избить или прикончить. Но все переговоры с этим британцем вел их старший, о котором шляхтичи знали лишь то, что зовут его Збышек и что во время мятежа в ноябре 1830 года в Варшаве он убивал русских солдат, а потом был правой рукой самого князя Адама Чарторыйского.

Пан Збышек как-то раз проболтался, что у князя Адама в Петербурге осталось много знакомых и сторонников еще с той поры, когда он был министром иностранных дел России и лучшим другом императора Александра I.

Шумилин, выслушав ротмистра, сказал, что он не сомневался в том, что, как он выразился, «эта ясновельможная сволочь» еще долго будет гадить России. В реальной истории князь Чарторыйский после восстания 1830–1831 года окопался в Париже, где поддерживал все антироссийские движения и занимался формированием польских отрядов, которые с оружием в руках боролись против России. Некоторые из «птенцов князя Адама» отправлялись на Кавказ, где в составе отрядов горцев воевали с русскими войсками.

– Я вот что думаю, – сказал Виктор Сергеев, обращаясь к ротмистру, – Дмитрий Григорьевич, а не послать ли несколько толковых ребят из вашей конторы в Париж, чтобы отправить неугомонного князя в «страну вечной охоты». Я полагаю, что лишь пуля в голове уgomонит этого поганца, и он наконец перестанет строить козни России.

– Видите ли, Виктор Иванович, – смущенно сказал ротмистр, – я согласен с вами, но к сожалению, граф слишком щепетилен в такого рода делах. И он вряд ли отдаст приказ о, как говорят у вас, ликвидации князя Адама.

– Гм... – задумчиво проговорил Шумилин, поглаживая короткую седую бородку, – я уважаю честность и щепетильность, а также рыцарское поведение Александра Христофоровича. Но как у нас говорят в народе, с волками жить – по-волчьи выть. Ладно, мы вернемся к этому вопросу чуть позже. А пока давайте прикинем, что нам делать далее...

И вот тут, в самый разгар их обсуждений, в Аничков дворец приехали император, граф Бенкендорф и Адени. Николай и граф, несмотря на усталость, выглядели именинниками. А Адени смущенно поглядывала на мужчин, которые всего несколько часов назад рисковали своей жизнью во время схватки с вооруженными поляками.

– Ну, что ж, молодцы! Хвалю! – царь обзрел воинство «спецов» из будущего, среди которых робко затерялся ротмистр Соколов. – Я знал, что вы управитесь с ляхами, которые бог весть что возомнили о себе. Жаль только, что не обошлось без жертв. Александр Христофорович, – обратился он к Бенкендорфу, – у убитого злодеями жандарма были жена и дети?

– Были, ваше величество, – ответил глава III отделения, – двое детишек – мальчики. Одному пять лет, второму нет еще и года...

– Бедняга... – царь перекрестился. – Царствие ему Небесное. Александр Христофорович, из моих личных средств окажите помощь семье служителя закона, погибшего от рук злодеев. А детишек, как вырастут, отправьте учиться в Первый кадетский корпус за казенный счет. России нужны верные слуги Отечества и престола. Ну, а вы, Александр Павлович, – Николай обратился к Шумилину, – как оцениваете все произошедшее?

– Ваше величество, мы выиграли первую партию. Но сие не значит, что наши враги на этом успокоятся. Скорее наоборот – Британия, встревоженная провалом своей агентуры, перейдет к более решительным действиям. Что это будут за действия, мы пока не знаем.

– Гм... – Николай задумался. Через минуту он продолжил: – Вы полагаете, что наши враги могут покуситься даже на цареубийство?

– Им не привыкать, – ответил Шумилин. – Ведь давно замечено, что чем большая опасность грозит интересам Британии, тем меньше они стесняются в средствах для устранения этой опасности.

Николай понял, что речь идет об убийстве его отца, императора Павла I. Он посмотрел на Адини, представив на мгновение, как убийцы, ворвавшиеся в Зимний дворец, набросятся на такое юное и беззащитное существо. Царь нахмурился:

– Александр Павлович, я прошу вас сделать все, чтобы то, о чем вы сейчас говорили, не произошло. Подумайте, что для этого нужно сделать. Обращайтесь напрямую к графу Бенкендорфу, а если надо, то и прямо ко мне. У меня всегда будет при себе ваша радиостанция, и я смогу ответить на любой вопрос и рассмотреть любое предложение.

– Радиостанция – это хорошо, – задумчиво сказал Шумилин. – Только этого будет, пожалуй, мало. Ваше величество, я бы хотел предложить вам подобрать с десятка толковых ребят из вашего личного конвоя, чтобы Вадим или Денис их как следует подучили и потренировали. Они должны будут научиться защищать вас и вашу семью в случае опасности. Поверьте, в нашем времени очень часто происходят нападения на высокопоставленных особ.

– Вот даже как? – удивился Николай. – А я думал, что у вас всегда и во всем порядок.

Александр лишь развел руками, словно желая сказать, что, дескать, нет в мире совершенства.

– И еще, – сказал немного погодя Шумилин, – пора от глухой обороны переходить к нападению. Надо будет отправиться в Европу и наладить там свою агентурную сеть. Ведь военная разведка занимается своими, весьма специфическими делами. А обычная политическая разведка курировалась министерством иностранных дел. То есть находящимся ныне в отставке господином Нессельроде. Исходя из этого, агентура там весьма ненадежная, и среди нее наверняка полно двойных агентов... – Заметив недоуменный взгляд императора, Шумилин разъяснил: – Двойные агенты – это те, кто работает сразу на несколько хозяев. То есть на Россию и, допустим, на Францию или Британию. Вполне естественно, доверять таким людям нельзя.

Я не говорю сейчас о руководителе российской внешней разведки Адаме Александровиче Сагтынском. Он, по нашим данным, вроде в этом не замешан. Но всю работу надо строить совершенно по-новому. Ну, об этом мы лучше потом переговорим с Александром Христофоровичем, который, собственно, и является начальником господина Сагтынского.

– Да, господа, – с кривой усмешкой сказал Николай, – вы все эти шпионские штучки уж как-нибудь без меня решайте. А пока я хочу еще раз поблагодарить всех участвовавших в ночном деле за усердие и отвагу. Обещаю, что все будут в самом скором времени награждены. А пока я приглашаю всех сегодня вечером к себе на ужин. Да-да, всех, – повторил император. – И вас, ротмистр, это тоже касается, – добавил Николай, заметив жандарма, скромно прячущегося за спинами пришельцев из будущего. – До вечера, господа!

Глава 2. Во многом знании много печали

Ум хорошо, а два лучше

А чем же в это время занимался Антон Воронин, оставшийся один-одинешенек в XXI веке? Занимался он тем, что в войсках называют тыловым обеспечением. Его друзья сражались с вооруженными до зубов поляками, плели интриги и раскрывали шпионские заговоры. Антон же добывал для них необходимые материальные средства.

Ему удалось через своих знакомых коллекционеров продать десятка два золотых николаевских пятирублевиков. Сумма получилась достаточно приличная, даже исходя из того, что пришлось заплатить солидные комиссионные реализаторам. Антон прикинул, что если так дальше пойдет, то в будущем можно таким способом неплохо заработать.

С другой стороны, этот бизнес мог накликать на него внимание лихих людей, охочих до чужого добра. А потому с массовой продажей золота и драгоценностей из прошлого следовало не спешить.

Антон решил заняться усовершенствованием своей машины времени. Стационарные порталы в квартире князя Одоевского и на Черной речке работали безупречно. Каких-либо сбоев при их эксплуатации не было. Поэтому Антон решил испытать передвижной вариант своего агрегата.

Он еще раз съездил на разведку в Кировск и снова с помощью времядетектора обследовал район «Красных сосен». Прибор показал то же самое, что и в прошлый раз – на месте, где когда-то стояло языческое капище, действительно существует пробой во времени. Вот только куда он ведет? И если здесь попробовать открыть портал, то попадет ли он в 1840 год, или его зашвырнет куда-нибудь к черту на рога?

Антон просчитал все параметры уже действующих машин времени, но к его расчетам могли быть приплюсованы силы природной аномалии. Так что надо будет все еще раз подсчитать, и уже тогда совершить пробное открытие портала.

Оказавшись в Кировске, Антон не мог не посетить своего бывшего сослуживца Юрия Тихонова. Все-таки тот немало ему помог советами. Да и соскучился Антон по старому приятелю. Ведь вместе не один год проработали в своем «почтовом ящике», мечтая создать устройство, с помощью которого можно было бы преодолевать время и пространство. Только вот Антону это сделать удалось, а его коллега, выйдя на пенсию, жил в холостяцкой квартире и все свободное время посвящал изучению истории Приневского края.

Юрий оказался дома и с радостью встретил старого друга. Судя по всему, он штудировал литературу, рассказывающую о царствовании «кроткая императрицы Елизаветы Петровны». Особенно Юрия интересовали события, связанные с нахождением в Шлиссельбурге «известного арестанта» – свергнутого императора-младенца Иоанна Антоновича. Эта Железная маска русской истории была фигурой неоднозначной. Юрию не терпелось рассказать гостю о своих мыслях по этому поводу.

Но Антон вел себя, на взгляд хозяина дома, как-то странно. Он со снисходительной улыбкой слушал рассказ старого приятеля, словно знал что-то, тому неизвестное. Пару раз Антон обмолвился о том, что, дескать, историки часто пишут о предмете своих исследований явную чепуху только из-за того, что не имеют никакого представления об эпохе, которую они изучают. Зная о том, что такой сугубый технарь, как Антон, ранее никогда особо не увлекался историей, Юрий насторожился.

– Дружище, – сказал он, – ты рассуждаешь об истории так, будто имеешь возможность заглянуть в прошлое и увидеть все в нем своими глазами.

Антон опять загадочно улыбнулся и кивнул Юрию. От неожиданной догадки у того вдруг зашевелились волосы на голове и перехватило горло.

– Так тебе удалось построить машину времени?! – воскликнул он. – Антоха, да ты гений! Это же... Это же Нобелевская премия! Это... – Юрий не находил слов, чтобы выразить свой восторг.

– Да, дружище, как ни странно, но аппарат, с помощью которого можно путешествовать во времени, мне удалось построить, – ответил Антон. – Только путешествовать можно пока лишь в прошлое и в одну фиксированную эпоху – во времена императора Николая Павловича. Если сказать точнее, я сумел открыть портал в 1840 год от Рождества Христова.

– Ну, и как там? – внезапно охрипшим голосом спросил Юрий. – С кем тебе удалось встретиться?

– С разными интересными людьми, в том числе и с самим самодержцем, – с улыбкой ответил Антон. – Только чаще в прошлом бывают мои друзья – ну, Лешку и Шурика ты должен знать. А мне приходится больше заниматься техническими вопросами. Ведь в электронике они разбираются, как... Ну, в общем, считай, что почти не разбираются.

– И какие они? – спросил Юрий. – Ну, я о тех, кто живет в XIX веке.

– Нормальные люди. Конечно, для своего времени, – ответил Антон. – Приспосабливаются они к нашим реалиям вполне спокойно, без истерик и неврозов.

– Так они что, в нашем времени успели побывать?! – с изумлением воскликнул Юрий. – Вот дела... Не знал бы я тебя, Антон, так хорошо, ни за что не поверил бы!

– Хочешь, верь, хочешь, не верь – с улыбкой сказал Антон, – но факты – вещь упрямая. Вот посмотри...

Антон достал из кармана куртки конверт с фотографиями и положил его на стол. Юрий схватил конверт дрожащими руками и стал рассматривать снимки.

– Антон, кто это? – спросил он, показывая на фото с княгиней Одоевской, запечатленной на фоне памятника Екатерине Великой.

– Это, Юра, княгиня Ольга Степановна Одоевская. Супруга князя Владимира Федоровича Одоевского. Вот, кстати, и он. А этого человека ты узнаешь? – Антон ткнул пальцем в снимок с Николаем I, который стоял на Невском и с любопытством смотрел на знаменитых клодтовских коней на Аничковом мосту.

– Не может быть, Антон, – охнул Юрий, – сам Николай Павлович! А ведь правда это он! Тоха, да ты понимаешь – что ты сделал! Это же мировая сенсация!

– А вот сенсаций мне и не хочется, – сказал Антон, – наоборот, надо, чтобы о том, что мне удалось сделать, узнало как можно меньше народа. Ни к чему это. Только мне хотелось, чтобы и ты был с нами. Ты, Юра, как, готов?

– Спрашиваешь! – взвился Юрий. – Конечно, Тоха, можешь на меня полностью рассчитывать. Ты только скажи, что надо сделать. Я понимаю, что тебе нужен дублер в регулировке и управлении машиной времени.

– В общем, да, – ответил Антон, – и не только это... Помнишь, ты мне недавно рассказывал о вашем местном феномене – языческом капище. Так вот, я нашел там пробой времени и хочу попробовать использовать его параллельно с моей машиной. Как тебе эта идея?

– Надо обязательно попробовать! – воскликнул Юрий. – Когда мы это сделаем?

– Давай завтра, – сказал Антон, – а ты, если хочешь, можешь пока поехать ко мне, и я тебе там все расскажу и покажу. А потом у меня будет короткий сеанс связи с прошлым. Так что все увидишь собственными глазами.

Ужин у императора

Ужин в Зимнем дворце прошел по-домашнему. Как и обещал император, приглашены на него были только те, кто приобщился к тайне людей из будущего. Поэтому кроме них и, естественно, самого царя, там были цесаревич Александр Николаевич, Адени, граф Бенкендорф, ротмистр Соколов и чета Одоевских. Разговор за столом велся в основном о жизни в будущем. Николай, Адени, Одоевские и ротмистр, уже побывавшие в XXI веке, вспоминали многие вещи, которые удивили и поразили их.

Например, князь Одоевский рассказал о том, что он видел во время прогулки вечером в Михайловском саду. Его очень удивило то, что молодые люди, сидевшие на скамейках, открыто целовались друг с другом, причем поцелуи были не обычные – в щечку, а чувственные и долгие – в губы.

Адени, услышав это, покраснела, как вареный рак, а император посмотрел на Одоевского и укоризненно покачал головой.

– Князь, не ожидал я от вас такого, – сказал Николай, – похоже, что свободные нравы наших потомков не лучшим образом повлияли на вашу нравственность. Ольга Степановна, – шутливо обратился он к княгине, – вы присматривайте за своим супругом, отпуская его в будущее, как бы чего не вышло...

Шумилин, с улыбкой наблюдая за разговором императора и князя, улыбнулся. Уж кто из собеседников был ходок по женской части, так это явно не Одоевский. Об амурных похождениях Николая Павловича в Петербурге слагали легенды. Чтобы разговор не зашел слишком далеко, Александр решил сменить тему.

– Ваше величество, – сказал он, – вы смотрите, чтобы наши молодые люди не завели романы с вашими подданными. Вот мой сын холост, да и у Виктора Ивановича – тоже... Денис – тот вообще парень хоть куда. Да и Ольга Валерьевна у нас красавица и умница – хоть сейчас ее под венец.

Николай улыбнулся, подкрутил усы и лукаво посмотрел на Ольгу Румянцеву. А Адени опять покраснела. Ей показалось, что Александр Павлович догадывается о ее чувствах к Николаю.

Вадим и Денис засмеялись и, переглянувшись, подмигнули друг другу. А Сергеев-младший неожиданно потупился и тоже покраснел.

– А почему бы, господа, вам действительно не обзавестись здесь семьями? – неожиданно став серьезным, спросил император. – Люди вы умные, любящие Россию, и можете принести своими знаниями немалую для нее пользу. Я уверен, что многие наши барышни с радостью отдадут руку и сердце таким добрым молодцам, как Вадим, Денис и Николай. Ну, а Ольга Валерьевна настоящая красавица. Я приглашаю ее на бал-маскарад в дом Энгельгардта, где представлю лучшим людям Санкт-Петербурга.

«Кузина-белошвейка» подмигнула Шумилину – дескать, смотри, как дела пошли, не сегодня-завтра какой-нибудь вдовый генерал запросто может попросить ее руки.

– Папа, а могу ли я побывать в будущем? – неожиданно спросил у Николая цесаревич. – Ведь Адени там была, а я чем хуже?

Император нахмурился.

– Видишь ли, Саша, – сказал он, – Адени там была по необходимости. Но я обещаю, что ты там побываешь. Тебе придется увидеть в Петербурге XXI века многое из того, что тебе, возможно, и не следовало бы видеть. Ну, да ладно...

– Ваше величество, – вступил в разговор Шумилин, – Александру Николаевичу непременно надо побывать у нас. Ведь он ваш наследник, и ему надо знать о нашем прошлом – о нашем будущем все, как бы горьки эти знания ни были.

Николай нахмурился, но кивнул, соглашаясь с Шумилиным.

– Александр Павлович, – спросил он, – когда у вас снова откроется портал? И чем сейчас занимается господин Воронин? Он говорил, что работает над усовершенствованием своей чудо-машины.

– Да, ваше величество, – ответил Шумилин, – Антон пытается использовать для проникновения в ваше время природные факторы. А именно – одно место на Шлиссельбургском тракте, где наблюдается естественный пробой во времени. Если у него все получится, то он сможет перебрасывать в прошлое крупногабаритные грузы. Для этого он оборудовал небольшую автомашину – фургончик, передвижным вариантом своего «агрегата». Так что, возможно, скоро он заявится на площадь перед Зимним дворцом на автомобиле из XXI века. Представляете, какой шум поднимется!

– Это было бы неплохо, – задумчиво сказал император, – но вот шум нам совсем ни к чему. Было бы не желательно, чтобы о существовании вас узнали люди, коим это не должно.

– Вот поэтому-то мы и хотим приобрести или получить любым другим способом участок земли, где располагается тот природный феномен, – сказал Шумилин.

– Александр Павлович, – подал голос Бенкендорф, – мы помним о вашей просьбе. Мы выяснили, что владелец этой земли, отставной поручик, давно уже махнул рукой на имение, доставшееся ему по наследству. Сам он ведет беспорядочный образ жизни, по крупному играет в карты и весь в долгах, как в шелках. Мы хотим без лишнего шума выкупить его имение за долги. Так что потерпите, Александр Павлович, все будет в порядке.

– Вот и отлично, – обрадовался Шумилин, – как только имение сменит владельца, мы отправим туда Виктора Ивановича, чтобы он навел порядок и сделал перевалочную базу из будущего в прошлое.

– А как же участок на Черной речке? – спросил Николай. – Ведь он теперь ваш. Или вы от него уже отказались?

– Ваше величество, – ответил Шумилин, – как бы ни был хорош участок земли, который нам уступил граф Ланской, он все же расположен слишком близко к городу. И там всегда могут появиться посторонние люди. А земля у Шлиссельбурга, во-первых, находится у черта на куличках, а во-вторых, будучи в собственности Виктора Ивановича, недоступна для не в меру любопытных господ. Ведь в Российской империи соблюдаются права частной собственности?

– Пожалуй, вы правы, Александр Павлович, – сказал император. – Я попрошу, граф, ускорить выкуп земли у этого игрока и как можно скорее передать ее господину Сергееву.

– Ваше величество, – сказал Шумилин, – очередной сеанс связи с нашим временем будет завтра вечером. Если у вас есть желание, то мы можем взять в будущее Александра Николаевича. Ведь у него сейчас нет особо важных дел?

– Хорошо, Александр Павлович, – после небольшого раздумья сказал император, – пусть будет так. Саша, – обратился он к сыну, – мы переговорим перед твоим путешествием в XXI век. Разговор будет серьезный.

* * *

Разговор Антона и Юрия затянулся допоздна. Хозяин все никак не мог успокоиться и расспрашивал гостя о приключениях путешественников во времени и о людях XIX века. Юрий был удивлен – насколько просто и буднично совершилось великое открытие, которое могло перевернуть всю мировую историю.

К примеру, взять и отправиться в 1837 год, помешать дуэли Пушкина и потом наслаждаться стихами, которые напишет так рано ушедший из жизни поэт. Или вовремя предупредить императора Павла I о заговоре и спасти его в ночь на 12 марта 1801 года от убийц. И

история России могла бы быть совсем иной. Не было бы войны с Наполеоном, не сгорела бы Москва, уцелело бы «Слово о полку Игореве».

Разговор двух коллег закончился уже под утро. Проспав до полудня, они встали, позавтракали и стали собираться в дорогу. Антон подъехал на машине к «Красным соснам» и продемонстрировал Юрию свой времядетектор. Тот исправно показал наличие хроно-аномалии.

– Правду написал Пыляев, – глубокомысленно сказал Юрий, – действительно здесь творится *что-то* удивительное. Слышь, Антон, а ты уверен, что мы отсюда попадем именно в 1840 год? А не зафутболит нас куда-нибудь во времена варягов? В век так в VIII–IX? Что-то мне не хочется быть зарезанным каким-нибудь придурочным ярлом или с колодкой на шее стоять на рынке рабов в Булгаре или Константинополе.

– Не знаю, – задумчиво ответил Антон, пряча в кейс времядетектор, – по моим расчетам все должно быть нормально. Ну, а как там оно будет на самом деле... Тут без наших лихих «спецов» соваться в прошлое опасно. Мне тоже нет никакого желания пропасть в дебрях времени.

У себя в квартире Антон показал Юрию машину времени. Тот сразу же въехал в тему и довольно быстро разобрался с ее устройством. Что, в общем-то, и немудрено – ведь когда-то они вместе работали над ее созданием. Только Антону хватило упрямства, желания да и, скажем честно, удачи воплотить в жизнь идею, на которой официально был поставлен крест.

Юрий, разговаривая с Антоном, нет-нет да и поглядывал на часы. Ему не терпелось увидеть своими глазами в действии машину времени. Антон посмеивался и продолжал обсуждать с гостем способы усовершенствования конструкции своего детища.

Наконец, где-то за четверть часа до начала сеанса связи, Антон «прекратил дозволенные речи», включил питание и сел за пульт управления. С горящими от нетерпения глазами Юрий наблюдал за его манипуляциями. Вот агрегат вышел на рабочий режим, посреди комнаты в воздухе повисла яркая изумрудная точка...

Далее произошло то, что Антону уже было привычно, но что вызвало восхищение и удивление у Юрия. Точка медленно превратилась в овал, за которым, как в иллюминаторе, стала видна квартира, обставленная старинной мебелью, люди, одетые в костюмы времен Пушкина и Лермонтова.

– Боже мой! – воскликнул Юрий. – Я не верю своим глазам! Антон, это просто чудо!

Среди людей, которые были в квартире, он узнал старого друга Антона – Александра Шумилина, незнакомого мужчину, которого Антон представил как князя Одоевского, и...

Тут у Юрия, что называется, в зобу дыханье сперло. Немного в стороне от присутствующих стояли... Нет, он не мог ошибиться – занимаясь историей, Юрий изучал портреты царей, полководцев, политических деятелей.

Перед ним стояли император Николай I и его сын, будущий император Александр II.

– Привет, Тоха, – первым поприветствовал своего одноклассника Шумилин, – я вижу, ты не один. И если не ошибаюсь, это твой коллега из той шараги, где вы изобретали машину времени.

– Да, Шурик, – ответил улыбающийся Антон, – он самый. Позвольте представить – Юрий Николаевич Тихонов. Он готов помочь в усовершенствовании нашего агрегата. Да и вообще Юра очень любит историю России, и он будет счастлив чем-либо помочь своей отчизне.

– Похвально, похвально, – промолвил император, подходя к порталу. – Юрий Николаевич, я буду рад видеть вас в Петербурге XIX века. Тем более что, как я понял, вы тоже приложили усилия к созданию чудо-машины, с помощью которой мои друзья из будущего путешествуют во времени.

– Да, ваше величество, – растерянно ответил Юрий. Он не знал, как себя вести с Николаем. С одной стороны, существовали определенные правила обращения к самодержцу, которые следовало неукоснительно соблюдать. С другой стороны, он не считал себя подданным

царя и находился на территории Российской Федерации, был ее гражданином, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

Заметив заминку в разговоре, Николай улыбнулся:

– Господин Тихонов, не утруждайте себя. С моими друзьями из вашего времени мы договорились, что в неофициальной обстановке мы не будем так уж строго следовать принятыми у нас правилам. Тем более что со стороны ваших сограждан это будет выглядеть немного странно.

– Я понял вас, – ответил Юрий, – просто все это для меня так неожиданно... Будто я сплю и вижу какой-то странный сон.

– Не переживай, Юра, – вступил в разговор Шумилин, – мы все через это прошли. Потом привыкнешь...

– Теперь о главном, – Александр обратился к Антону, – все наши пока останутся в XIX веке. Тут такие дела начались, что только успевай крутиться. Но к вам на пару дней в гости отправится цесаревич Александр Николаевич. Государь дал добро на ознакомление его с нашей жизнью.

Думаю, Антон, ты будешь гостеприимным хозяином и покажешь нашему гостю все, что он захочет увидеть. Соответственный инструктаж Александр Николаевич уже получил, благословение на путешествие в будущее от государя тоже получено. Так что, давай, не скучай. Думаю, что и Юра нам поможет, ну, это я в плане культурной программы.

– Хорошо, Шурик, только давайте прощаться, долго держать открытым портал опасно, – ответил Антон. – Александр Николаевич, милости прошу к нам в гости.

– Ступай, Саша, – сказал Николай сыну, крепко обняв его. – Помни, что я тебе говорил. Их прошлое – это уже не наше будущее. Своим появлением они изменили течение нашей истории. Поэтому все, что случилось у них, не обязательно должно повториться у нас. Во всяком случае, я на это надеюсь. С Богом, – Николай на прощание перекрестил сына.

Цесаревич шагнул в будущее, и портал стал медленно закрываться. Скоро в комнате осталась лишь яркая изумрудная точка. Через мгновение потухла и она.

* * *

Цесаревич обалдело смотрел на то место, где только что была дверь, ведущая в привычный для него мир. Антон усмехнулся. Он знал, Александр не был трусом, что доказал во время своей поездки по России. Он не побоялся кинуться очертя голову на шайку абреков, за что был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Правда, за спиной у цесаревича был солидный конвой, который и порубал абреков. Но пуля – дура, и не разбирает, в кого ей лететь – в простого казака или наследника российского престола.

Примерно в таком же состоянии пребывал и Юрий Тихонов, которого потрясло увиденное. Он присел в кресло и стал тереть руками виски.

– Ну, ребята, вы даете! Если бы сам все это не увидел – ни за что бы не поверил. Антоха, ты гений!

Антон скромно раскланялся. Потом посмотрел на своих гостей и понял, что надо срочно приводить их в чувство. Он вышел на кухню и через пару минут вернулся с бутылкой коньяка и двумя серебряными рюмками.

– Так, господа, – сказал он, – примем немного «огненной воды», после чего дружно будем наводить резкость.

– А ты, Антон, – спросил Юрий, – не хочешь с нами выпить?

– Мне это ни к чему, – сказал Антон, – к тому же я за рулем. Возможно, мне придется кое-куда съездить.

Цесаревич и Юрий выпили коньяка, закусили кусочками шоколада, после чего Юрий заспешил домой. Он считай что не спал больше суток, да к тому же впечатлился увиденным по самое «не грусти». Распрощавшись, он ушел. Хозяин дома и его гость из будущего остались вдвоем. Александр, выпив, немного успокоился, но все же пребывал в состоянии, близком к нирване.

– Александр Николаевич, – окликнул Антон цесаревича, – очнитесь. Вы в будущем. Если что непонятно – спрашивайте. У нас тут многое не похоже на тот мир, к которому вы привыкли.

– Я понимаю, – гость из прошлого уже немного пришел в себя. – Антон Михайлович, отец рассказывал мне про ваш мир. Правда, лучше увидеть собственными глазами...

– Это правильно, – Антон почесал голову, – я вот думаю, во что вас одеть. Ведь в вашем гвардейском мундире в город вас выпускать нельзя. Впрочем, постойте. Тут в шкафу осталась одежда, которую надевал ваш батюшка, когда гостил у нас. По росту вы вроде схожи, а вот по комплекции... Ну, если будет чуть свободно, то это ничего, не страшно.

Антон открыл шкаф, достал оттуда вешалку с джинсами, футболкой и жилеткой-разгрузкой. Он помог смущенному цесаревичу надеть незнакомую одежду – Александр долго удивлялся молнии на ширинке и летним шлепанцам, которые поначалу принял за домашние туфли.

– Знаете, что, Александр Николаевич, – сказал Антон, когда цесаревич переоделся и был готов в путь, – в нашем времени не принято титуловать людей, пусть даже и занимающих высокие посты. К тому же вы значительно моложе меня... А посему, чтобы не вызывать лишних расспросов, я бы посоветовал вам обращаться ко мне по имени и отчеству, а я к вам – только по имени. Можно на вы. Поверьте, это не умалит ваше достоинство и не будет выглядеть неуважением к вам.

Александр улыбнулся.

– Антон Михайлович, вы не беспокойтесь: отец и уважаемый Александр Павлович уже предупредили меня об этом. Я готов вести себя так, как принято у вас.

– Ну, вот и отлично, – сказал Антон, – теперь я в полном вашем распоряжении. Что бы вы хотели увидеть в первую очередь?

– Я бы хотел просто пройтись по улицам вашего города, – сказал Александр.

– Пройтись или проехать? – улыбаясь, спросил Антон. – У меня есть машина... – Заметив удивление на лице гостя, он пояснил: – Машина, или как мы еще ее называем, автомобиль – это транспортное средство, на котором мы, без конной тяги, передвигаемся по дорогам. Ну, самобеглая коляска, одним словом...

Цесаревич немного подумал, а потом сказал:

– Знаете, Антон Михайлович, я бы все же просто прошелся бы по городу. На вашей машине можно будет проехаться чуть позже. А я хочу сперва посмотреть на вашу жизнь не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой.

– Воля ваша, – кивнул Антон. – Пешком так пешком.

Они вышли на улицу. Александр с ходу обомлел, увидев сразу столько нового для себя: потоки машин, люди в незнакомой одежде, девушки в удивительно неприличных, с точки зрения жителя XIX века, нарядах.

– Антон Михайлович, да что же это такое? – воскликнул он, нос к носу едва не столкнувшись с молоденькой и кокетливой девицей в шортиках и топики, которая засмотрелась на высокого, стройного симпатичного юношу. – Как ваши полицейские допускают такое?! Ведь это прямой разврат!

– Разврат? – удивленно спросил Антон. – А в чем вы его видите? Если красивой барышне есть что показать людям, то зачем ей это скрывать? Тем более что погода стоит жаркая, и кутаться в плотные одежды – просто ни к чему. Александр, вы к этому скоро привыкнете.

– А ваши, как вы говорите, машины, – удивленно спросил цесаревич, – они как двигаются? С помощью какого двигателя? Если так же, как локомотивы на чугунке, топятся углем, то почему у них нет труб и из них не идет дым?

– Там установлены совсем другие двигатели, – сказал Антон, – которым уголь не нужен. Я вам потом объясню. Хочется одну такую машину отправить в ваше время. Будете вы с батюшкой разъезжать по Петербургу. Я научу вас управлять автомобилем, если, конечно, вы не против...

Александр с восхищением посмотрел на промчавшуюся мимо него иномарку и закивал:

– Да, Антон Михайлович, я буду рад, если вы меня этому научите. Не пожалею любых денег, чтобы купить такую красавицу.

Они шли вдоль набережной Невы в сторону Летнего сада. Перейдя через Прачечный мостик, зашагали по гранитным плитам, уложенным вдоль прекрасной решетки работы Фельтена. У входа в сад Александр заметил белевшую на ограде табличку. Цесаревич прочитал то, что на ней было написано, и глаза его полезли на лоб.

– Антон Михайлович, – воскликнул он, – что это?! Значит ли это, что именно здесь в 1866 году на меня – самодержца – покушался какой-то Каракозов? Батюшка предупреждал, что я увижу в вашем мире то, что мне будет очень неприятно. Он это имел в виду?

– Нет, Александр, – мрачно сказал Антон, – ваш батюшка имел в виду не это. В конце концов, этот полусумасшедший, больной сифилисом субъект промахнулся, и вы остались живы. В 1867 году в Париже одна гадалка предскажет вам, что вы переживете шесть покушений и погибнете во время седьмого. К тому же она сообщит вам о годе вашей смерти. И все, что она предскажет, сбудется...

– Так меня убьют?! – воскликнул пораженный цесаревич. – Во время седьмого покушения?! И в каком году это будет?! Антон Михайлович, ради бога, расскажите мне все подробно.

– Александр, – сказал Антон, – я обязательно вам обо всем расскажу. Только не сейчас. Давайте продолжим нашу прогулку. Тем более что в вашем будущем ничего подобного не должно произойти. Давайте перейдем через мост и зайдем в Петропавловскую крепость. Сейчас в нее можно попасть свободно – она просто музей, а не царская темница и усыпальница.

– Давайте, – оживился Александр, – тем более что мне не терпится пройти по мосту, которого в нашем времени еще не было. Он очень красивый.

На середине Троицкого моста, который Антон по старой памяти называл Кировским, они остановились, и долго любовались панорамой Невы со спящими по ней прогулочными теплоходами и катерами, стрелкой Васильевского острова, Зимним дворцом.

– Красиво, правда? – полувопросительно-полуутвердительно сказал Александр. – Прекрасный все-таки город – Петербург.

– Тут я с вами полностью согласен, – ответил Антон, – сколько лет живу в нем, а все никак не могу налюбоваться на нашу Северную Пальмиру.

Со стороны собора Петропавловки донесся перезвон колоколов. Антон посмотрел на часы.

– Уже четыре, – сказал он, – прибавим шаг. В шесть ко мне должен зайти один хороший знакомый. Я думаю, что вам будет тоже полезно его послушать. Пройдемся по крепости, и домой...

– Хорошо, пусть будет так, – кивнул Александр.

Единая и неделимая

Расставшись с сыном, император загрустил и всю дорогу до Зимнего дворца сидел молча, погруженный в какие-то свои мысли.

Шумилин, который ехал вместе с Николаем, тоже молчал, хотя у него было о чем поговорить с ним. Но нельзя быть излишне навязчивым, тем более при общении с императором.

Когда же карета Дворцового ведомства подъехала к Зимнему дворцу, Николай, по всей видимости закончив, наконец, свои размышления, внимательно посмотрел на Шумилина.

– Александр Павлович, – сказал царь, – не могли бы вы пройти в мой кабинет? Я хотел бы переговорить с вами.

Заинтригованный Шумилин принял приглашение Николая. Уже немного зная его характер, он понял, что император чем-то сильно озабочен. И Александр не ошибся. Разговор, который начал царь, касался государственного устройства России. Точнее, существования в ней таких аномальных образований, как Царство Польское и Великое княжество Финляндское. Они достались Николаю по наследству от старшего брата, Александра I – желая поиграть в демократию, тот дал этим образованиям права, которых не было у российских губерний.

– Александр Павлович, – сказал Николай, – у меня все не идет из головы барельеф, который я видел, будучи вашим гостем, на стене дома напротив церкви Святого Пантелеймона. Вы сказали, что Россия в XX веке дважды воевала с Финляндией. Это что ж получается – одна из частей Российской империи объявила войну другой ее части?! Сие нонсенс...

– Эх, ваше величество, – вздохнул Шумилин, – нонсенс этот, к сожалению, в наше время стал вполне распространенным явлением. Да и вам самому уже довелось усмирять взбунтовавшуюся Польшу, которая не оценила всех милостей, которые оказали ей ваши старшие братья. На вас неблагодарные ляхи тоже не могут пожаловаться – ведь у них был сейм, свое правительство, своя армия и даже своя конституция – то есть то, чего не было у самой России. И в 1830 году поляки подняли мятеж...

– Я помню все это, – сухо сказал Николай, – мой брат Константин чудом спасся из своего дворца, где его едва не убили опьяненные кровью своих жертв бунтовщики. После подавления мятежа я урезал права польской шляхты и посадил наместником в Польше генерала Паскевича, князя Варшавского. С ним кичливые ляхи не забунтуют.

– Это так, – сказал Шумилин, – но ваш сын и наследник, став после вашей смерти императором Александром II, захочет снова проявить в отношении Польши ненужный либерализм, за что те ответят ему в 1863 году новым мятежом. Лишь после этого Польша исчезнет с карты Европы, став Привислянскими губерниями...

– Вот как, – удивленно сказал Николай, – значит, поляки, эти природные бунтовщики, так и не угомонились? Что ж, я сделаю все, чтобы мятежа в 1863 году не было. Я глубоко уважаю старшего брата, императора Александра I, но в данном случае вынужден с вами согласиться – создание Царства Польского было большой ошибкой... Но вы мне так ничего и не сказали насчет Великого княжества Финляндского.

– С ним тоже все не просто, ваше величество, – начал свой рассказ Шумилин. – Если Польша худо-бедно все же была на протяжении веков самостоятельным государством, которое порой играло немалую роль в судьбах Европы, то Финляндия никогда государственности не имела. И ваш брат Александр, после столетия русско-шведских войн подарив бывшей захудалой провинции Шведского королевства конституцию, сейм и все то, что позволило Финляндии считать себя полуавтономным государством в составе Российской империи, совершил большую ошибку. К тому же он передал в состав Великого княжества Финляндского Выборгскую губернию, отвоеванную у Швеции еще императором Петром I. Зачем? Непонятно...

– Насчет этого я возражал, – не выдержал царь. – Вы ведь слышали о докладе статс-секретаря барона Роберта Генриховича Ребиндера – кстати, уроженца Финляндии, – который еще в 1826 году просил меня вернуть России части Выборгской губернии с преимущественно русским населением, опасаясь, что из Выборгской губернии со временем создастся утес, о который разобьется самостоятельность Финляндии...

– Барон Ребиндер был человеком большого государственного ума, – сухо ответил Шумилин, – в нашей истории все произошло именно так, как он напроорочил. К тому же вы, ваше величество, не нашли ничего лучше, как отправить проект барона в финский сенат, где он и был благополучно провален.

– Но ведь финны не поднимали мятеж, как сделали это поляки, – попробовал возразить Николай, – скажу даже больше – в 1831 году лейб-гвардии Финский стрелковый батальон принял участие в подавлении польского мятежа. И надо сказать, показал себя весьма неплохо, например, в сражении при Остроленке.

– Это так, ваше величество, – ответил Шумилин, – но «горячие финские парни», в отличие от мятежной шляхты, в открытую не бунтовали. Они ме-е-е-едлено-о-о подгребаали под себя власть в Великом княжестве, урезая права проживавших там русских и православных.

Например, финские и шведские чиновники саботировали закон, принятый вашим братом, о постепенном введении в Финляндии русского языка в качестве государственного.

Вот что писал о Великом княжестве Финляндском один из русских историков, живший в начале XX века: «Русские, подобно иностранцам, лишены прав политических, так как не могут ни избирать депутатов сейма, ни сами участвовать в нем. Русским закрыт доступ на военную, гражданскую и духовную службу. Русские, живущие в крае, облагаются налогом в пользу общины, но тем не менее лишены права голоса в городских и сельских общинных собраниях».

Дело дошло до того, что русским детям было запрещено учиться на родном языке. А в самой Финляндии торжественно открывались памятники, прославляющие победы финнов и шведов над русскими войсками...

– Не может такого быть! – воскликнул изумленный и шокированный услышанным Николай. – Это кто же им такое позволил?!

– К сожалению, это правда, ваше величество, – сказал Шумилин, – именно так все и было. Кстати, нечто подобное происходит, к сожалению, и в наше время. Обитатели бывших Прибалтийских губерний превратили русских людей в лиц второго сорта и так же, как финны, лишили их всех прав.

– Ну, и чем все это кончилось? – голос императора был хриплым от злости, и Шумилин подумал, что в самое ближайшее время «самостийность» Великого княжества Финляндского будет сильно урезана.

– А кончилось все это, ваше величество, весьма печально, – сказал Александр. – После свержения самодержавия в России в 1917 году финские националисты учинили резню русских в Финляндии, после чего провозгласили независимость.

Ну, а потом Советской России – государству, пришедшему на смену Российской империи, – пришлось дважды воевать с Финляндией. Кончилось все тем, что силою оружия Россия вернула себе Выборгскую губернию, которую ваш брат так неосмотрительно подарил Великому княжеству Финляндскому. Правда, все это стоило русскому народу немалой крови.

– Да, Александр Павлович, – озабоченно сказал император, – теперь я вижу, что не все люди могут ответить на добро добром. Надо не откладывая это дело в долгий ящик, заняться превращением Царства Польского и Великого княжества Финляндского в обычные губернии, на территории которых будут действовать законы Российской империи. Никто из живущих на этих территориях моих подданных не будет иметь никаких преимуществ перед другими. Иначе ошибки моего брата, мои и моих потомков снова приведут к кровопролитию и смуте. А этого быть не должно.

По морям, по волнам...

Вернувшись в квартиру, хозяин и гость пообедали, после чего Александр сел в мягкое кресло и стал листать лежавшую на столе прессу. Похоже, что он уже немного освоился с орфографией XXI века, и весьма бойко читал газеты и журналы.

– Антон Михайлович, – удивленно сказал он, – да что тут у вас происходит? До какого бесстыдства надо дойти, чтобы вот так вот взять и выложить на всеобщее обозрение все свои чувства и поступки!

– Гм, – немного сконфуженно сказал Воронин, – действительно, некоторые журналисты у нас несколько того... В общем, им наплевать на то, что о них подумают другие люди. Лишь бы материалы их печатали, а они за них получали деньги. Не обращайтесь внимания на это. Я все это не читаю. Так, иногда листаю, чтобы немного отвлечься от повседневных дел.

– Понятно, – сказал цесаревич, с любопытством посмотрев на Антона. – Может быть, вы посоветуете мне прочитать что-нибудь более полезное и интересное?

– Хорошо, – сказал Антон, – только не стоит это делать именно сейчас. Как я уже говорил вам, ко мне должен прийти один мой знакомый. Думаю, вам будет интересно с ним поговорить.

– А кто он такой, Антон Михайлович? – поинтересовался Александр. – Он военный?

– Почему обязательный военный? – удивленно спросил Антон. – Нет, он моряк, который обошел весь мир. Много чего видел, много чего знает.

– Это интересно, – оживился Александр. – Я всегда с удовольствием слушал рассказы воспитателя брата Константина – флигель-адъютанта Федора Петровича Литке. Он совершил несколько кругосветных путешествий, бывал и на Севере, и в Южных морях.

– Да, – сказал Антон, – это достойный человек и великий ученый. У нас его помнят. Его именем называли корабли, улицы. Надо будет с ним поближе познакомиться, когда я нанесу вам ответный визит.

– А где побывал ваш знакомый, Антон Михайлович? – спросил цесаревич. – И, кстати, как его зовут?

– Зовут его Игорем Сергеевичем, фамилия его Пирогов. А побывал он, как и адмирал Литке, и на севере, и на юге. Довелось ему ходить в африканские и индийские воды.

Я вас с ним познакомлю, только, чур, не рассказывать ему о себе. Пусть вы будете моим дальним родственником, приехавшим в гости. Только тогда мне придется обращаться к вам по имени и на «ты». Ну, а вам называть меня дядей Антоном. Вы согласны?

– Хорошо, дядя Антон, – Александр заговорщицки подмигнул Воронину. – Это даже забавно. Все как в театре, когда приходится играть чью-то роль.

– Главное, не заиграйся, Саша, – став неожиданно серьезным, сказал Антон, – если ты ошибешься и Игорь поймет, что ты не тот, за кого себя выдаешь, придется рассказать ему всю правду. А этого мне не хочется. Хотя со временем я планирую посвятить его в наши дела. России пригодились бы его знания.

Звонок в дверь раздался неожиданно.

– А вот и он, легок на помине, – Антон пошел встречать гостя.

Игорь Пирогов внешне был мало похож на морского волка. Обычный мужчина лет сорока – сорока пяти, среднего роста, седоватый, с аккуратно подстриженными усами.

– Здравствуй, Тоха, – он обнял Воронина и дружески похлопал его по плечу. – Сколько же мы с тобой не виделись?! А ты все такой же – вон, гляжу, что и дома занимаешься своей электроникой. Как твой бизнес? Как личная жизнь? Не женился снова?

– Здравствуй, Игорек, – ответил Антон, – ты, я вижу, тоже не меняешься. Откуда ты пришел? Опять оттуда, где плавятся мозги от жары, а люди ходят в набедренных повязках? Или еще куда занесли черти? Кстати, познакомься – мой дальний родственник, Александр, –

Антон жестом указал гостю на скромно сидящего в кресле цесаревича. – Молодой человек приехал ко мне на пару дней. В Питере первый раз. Я ему показываю наш город.

– Ну и как вам наша Северная Пальмира, Александр? – спросил Игорь, пожимая руку будущему императору. – Нравится?

– Да, Игорь... простите, как вас по батюшке? – сказал немного смущенный цесаревич. – Город Санкт-Петербург – поистине восьмое чудо света. Я наслаждаюсь его красотой.

– Верно сказано, – ответил Пирогов, – а по отчеству я Сергеевич. А откуда ты, Александр, приехал?

Цесаревич вопросительно посмотрел на Антона, дескать, выручай, Палыч.

– Игорек, – сказал Воронин, пытаясь помочь Александру, попавшему в нелегкое положение, – ты мне так и не сказал – где тебя черти носили?

– Был я, Тоха, в землях заморских, дальних, – начал свой рассказ Игорь, – на Краю Света. Знаешь, где находится он, этот Край Света?

Антон покачал головой, а Александр с любопытством посмотрел на рассказчика.

– Так вот, – продолжил Игорь, – Край Света – это мыс на северо-востоке острова Шикотан. На Курилах, одним словом – слышал, наверное, Александр об этих островах, по которым до сих пор рыдают наши соседи – японцы?

– Слышал, – ответил цесаревич, – там в 1811 году был коварно схвачен и заключен в неволю капитан российского шлюпа «Диана» Василий Михайлович Головин. Более двух лет японцы продержали его и еще шесть членов экипажа шлюпа в плену. Только почему вы, Игорь Сергеевич, говорите, что японцы рыдают по этим островам? Они что, уже им не принадлежат?

Пирогов, с удивлением слушавший Александра, при последних его словах вздрогнул.

– Тоха, откуда приехал твой родственник? – воскликнул он. – Парень знает такие вещи, которые не каждый мореман у нас знает. А вот принадлежность Курильских островов ему неизвестна. А уж про них кто только сейчас не пишет. Александр, так ты скажешь мне, откуда ты и кто?

Цесаревич снова умоляюще посмотрел на Антона. Тот лишь развел руками – дескать, видишь, хоть я тебя и предупреждал, но мы влипли, и придется признаваться.

– Слушай, Игорек, – сказал он Пирогову, – хочу я тебе рассказать одну историю... Только ты мне прежде должен дать слово, что ни одна живая душа о том, что я тебе сейчас расскажу, не узнает.

– Обижаешь, Антон, – сказал Игорь, – никогда я не был болтуном. Обещаю сохранить в секрете все, что здесь от тебя услышу. Я так понимаю, что это связано с твоим родственником?

– В общем, да, – сказал Антон, – но и не только с ним. И еще, я попрошу тебя отнестись ко всему сказанному серьезно. Я не шучу и ничего не придумываю. Одним словом, я изобрел машину времени!

– Машину времени?! – Игорь оторопело посмотрел на Антона. – Антоха, у тебя с головой все в порядке? Впрочем... – тут Пирогов пристально посмотрел на Александра. – Антоха, этот парень – оттуда? Из прошлого? Выходит, что ты не просто изобрел машину времени, но еще ее и построил? И она работает?

– Да, Игорек, – Воронин торжествующе посмотрел на изумленного моремана. – А мой гость – цесаревич Александр Николаевич, будущий государь-император Александр II. Вот так-то, мой друг.

Пирогов застыл с раскрытым ртом. Потом он что-то хотел сказать, но изо рта у него вырвалось лишь какое-то сипение.

Александр с нескрываемым удовольствием смотрел на происходящее. Потом взял со стола стакан, налил туда минеральной воды из пластиковой бутылки и протянул стакан Пирогову:

– Выпейте, Игорь Сергеевич, вам станет легче. А потом Антон Михайлович продолжит свой рассказ.

Он был титулярный советник...

А вот Адини мучили проблемы далеко не государственные. Тайком от матери и сестер она читала электронную книгу, которую ей дала Ольга Румянцева. Там оказалась целая библиотека. Были книги по истории, по искусству, художественные произведения. Адини очень хотелось узнать – как живут, о чем думают, о чем мечтают и как любят друг друга люди XXI века. О том, что ей было непонятно, она спрашивала у Ольги Валерьевны, которая стала для девушки то ли старшей сестрой, то ли второй матерью.

Этот интерес дочери императора Николая I к реалиям будущего был не случаен. Адини уже поняла, что по уши влюблена в Николая Сергеева. И она была готова на все, чтобы быть с ним рядом. Только как это сделать?

Адини хорошо помнила, чем закончился любовный роман ее старшей сестры Марии с князем Барятинским. Она даже хотела просить разрешения отца на брак с князем. Род Барятинских вел свою родословную от Рюрика и был по происхождению древней и знатней Романовых. Барятинские считались потомками Черниговских князей.

Но император даже и слышать не хотел о возможном браке своей любимой старшей дочери с князем. Барятинский загремел на Кавказ, где отличился в сражениях с горцами, получил ранение, и после излечения вернулся в Петербург.

А Николай I сделал из случившегося надлежащие выводы. «Никогда Романовы не будут выходить замуж или жениться за своих подданных», – сказал он. И больше никто из императорского семейства во время его царствования не пытался искать себе суженых-ряженых без монаршего соизволения.

Но как Адини узнала из книг Ольги Валерьевны, в которых рассказывалось о судьбе членов императорской фамилии, настырная Мария, в первом браке бывшая замужем за герцогом Лейхтенбергским, после его смерти вышла все-же за подданного батюшки – за графа Строганова, с которым прожила счастливо до самой смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.